

1870 год

Благослови, Господи, венец лета и возобновление моего Дневника!

1-го января. С грустным чувством провожаю я истекший год и ничего отрадного не предвижу в наступающем. Искренне сожалею, что не продолжал вести дневник последовательно в те годы, когда многое радовало, когда совершались события, начавшие новую эру в гражданской жизни России, когда все обещало светлое будущее. Об этих годах много сохранится материалов, по которым нетрудно будет составить себе довольно ясное понятие о том времени. Так много совершилось важных реформ с 1857-го по 1867-й годы, что это десятилетие, составляющее славу нынешнего царствования, останется навсегда памятным и перейдет к потомству в главных чертах довольно верно. Усиленная деятельность правительства по преобразованию не могла не вызвать к жизни все дремавшие общественные силы. Борьба старого порядка вещей с новыми потребностями перестала быть бесплодной. Целый ряд реформ, казалось, свидетельствовал, что победа осталась на стороне новых понятий, и хотя самая лихорадочная торопливость главнейших деятелей в ломке старого и создания нового оправдалась убеждениями их, что победа недолго останется на их стороне, однако нельзя было предвидеть, чтобы реакция так скоро восторжествовала. Я, по крайней мере, не ожидал, чтобы гнусный выстрел Каракозова мог иметь на судьбу России такие важные последствия, какие он действительно имел. Я помню, что на другой день этого несчастного случая 4-го апреля, после доклада, разговорился я с Рейтерном об этом злодействе. «Вы увидите, что со вчерашнего дня совершился перелом царствования», — сказал он мне. Я не поверил тогда мрачному предсказанию Рейтерна, но теперь должен сознаться, что он был прав. Мне казалось невозможным допустить, чтобы вера в те начала, которые положены были в основание всех реформ, могла бы так легко утрачиться при первом событии, вызвавшем притом такое негодование, что и то тяжелое впечатление, которое могло бы быть им произведено, в то же время могло изгладиться. Я не знал еще тогда, как мало доволен государь и лица, ему приближенные, значением произведенных реформ, а потому и не верил возможности такого скорого и радикального превращения. Надо сказать и то, что реакция весьма искусно воспользовалась событием 4-го апреля и что, по несчастному стечению обстоятельств, многие из главнейших деятелей были постав-

лены в невозможность противодействовать этой реакции. Как бы то ни было, но мы вступаем в новый 1870-й год с полным сознанием, что реакция вполне торжествует и что нас спасает только крайняя неспособность ее деятелей. Государь приведен ими к убеждению, что все произведенные им реформы принесли существенный вред, потому что пошли слишком далеко за пределы его намерений, что не только государство страждет, но что и личность его находится в постоянной опасности. Все это сильно действует на его нервы, к тому же он физически болен, устал и дела ему надоели. Похвала благодетельных реформ, составляющих славу его царствования, его досадует, ему скорее слышится в этой похвале упрек, чем слава. С великим князем Константином Николаевичем он в самых холодных отношениях, с наследником также, ибо знает, что они не разделяют ни его опасений, ни его доверия к графу Шувалову — человеку, весьма ловко употребившему шпионскую должность свою¹, чтобы страхом завладеть волею государя. Состав всего министерства², кроме разве Военного и финансов, крайне неудовлетворителен, но в нем также согласия нет. К счастью, ни граф Шувалов, ни министр внутренних дел Тимашев не могут формулировать ни одной сколько-нибудь серьезной реакционной меры. Зачали издавать новый закон о печати, но и сами не знают, что делать. Назначили комиссию под председательством князя Урусова, но до сих пор комиссия эта еще не знает, что она будет делать. Впрочем, все теперь как будто приостановилось, над всем преобладает страх.

Этот страх вызван открытием каких-то глупых прокламаций, присланных из Женевы, которыми, говорят, начитались какие-то мерзавцы из выгнанных и недоучившихся студентов. Все это представлено государю в ужасающем виде, так что он серьезно напуган. А пока он будет под влиянием этого страха, сила Шувалова несокрушима. Но долго ли это будет продолжаться и чем разрешится это неестественное настроение — это покажет время. Сегодня, по случаю Нового года, ездил я с обычными визитами и, между прочим, заехал записаться к великой княгине Елене Павловне. Тут встретил я ее фрейлину — Раден, с которой разговорился о новостях, оказалось, что таковых, сколько-нибудь замечательных, нет. Между прочим, разговор наш коснулся слухов об открытом будто бы заговоре, вызванном прокламациями, присланными из Женевы. Я заметил, что этим гнусным выходкам заграничных революционеров придают слишком большое значение, как будто это явление небывалое, по крайней мере в глазах государя стараются представить все подобные безобразия как последствия его либеральных реформ. Я сказал фрейлине Раден, что занимаюсь составлением устава о печати, я много рылся в старых указах и, между прочим, в напечатанных бывшей под моим председательством комиссией материалах есть краткая история наших политических прокламаций, и что эта история очень поучительна. Оказывается, что еще при Петре I к нам из-за границы присылались прокламации на русском языке, напечатанные в Данциге. Затем, при Екатерине II, была бездна разного рода воззваний, и что по этому случаю она издала превосходный манифест, которым увещевала подданных не заниматься этой дрянью. Этот манифест очень применим к настоящему времени. Вследствие этого разговора я получил от фрейлины Раден следующую записку:

1870 год

«Cher Prince, pouvez-vous envoyer à la Grande Duchesse le manifeste de l'Empératrice Catherine? Son Altesse en a fait les honneurs à Sa Majeste et voudrait l'envoyer à l'Empereur»*.

К счастью, этот манифест 1762-го года был у меня под рукой, ибо я соби-
рался сообщить в газеты краткий исторический очерк наших прокламаций, я
переписал его и дополнил еще другими указами Петра, Екатерины и Александ-
ра по этому предмету и завтра повезу к фрейлине Раден. Дай Бог, чтобы чтение
этого манифеста успокоило государя, по крайней мере в том отношении, что
прокламации у нас — дело бывалое.

5-го января. Я передал третьего дня фрейлине Раден для великой княгини
составленный мною исторический очерк возмутительных воззваний в России.
Вчера великая княгиня, у которой я был на музыкальном вечере, сказала мне,
что намерена послать государю только копию с манифеста Екатерины II, а что
подобные исторические воспоминания возбуждают интерес. Вчера прошел слух
о назначении будто бы вместо Потапова генерал-губернатором Северо-Запад-
ного края Грейга — товарища министра финансов, но, кажется, этот слух не
подтверждается; по-видимому, еще не хотят сменить Потапова, чтобы не по-
дать виду, что уступают общественному мнению, и в особенности нападкам
«Московских ведомостей». Хотя я уверен, что и Шувалов с К^о хотели бы спус-
тить Потапова, ибо его крайняя неспособность, бестактность и глупость ставит
их самих в затруднительное положение. Но так как им нужнее всего показать,
что они настояли на своем, то они торопиться не будут.

В газетах появились обзоры прошедшего года, и, так как я в прошедшем
году дневника своего не вел, то прилагаю при сем для памяти вырезки из газе-
ты «Голос»³ и «Московские ведомости».

Газета «Голос». 1870-й год. 2-го января. Санкт-Петербург:

«Много раз уже говорено о странностях обычая, заставляющего весь образо-
ванный мир воображать себе, что в такой-то день зимнего сезона, день, ничем не
отличающийся от других в смысле астрономическом, кончается один год и начи-
нается другой. Но обычай этот всемогущ и повсеместен, и когда наступают после-
дние дни декабря, каждый невольно чувствует потребность оглянуться назад и
подвести итоги последним пережитым тремстам шестидесяти пяти дням.

Оглядываясь на пережитое нами в течение минувшего 1869-го года, вдумываясь
в общий смысл и характеристические особенности его, мы должны будем,
прежде всего, сознаться, что, несмотря на многие частности, 1869-й год ни в ка-
ком случае не может считаться годом, неблагоприятным для общественного и
политического развития России, хотя, конечно, не может сравниться в этом отно-
шении со многими из своих достославных предшественников, уже составляю-
щих ныне исторические эпохи нашего прогресса.

* Вы могли бы, князь, прислать великой княгине манифест императрицы Екатери-
ны. Ее высочество намерены нанести визит его величеству и хотели бы передать его
императору.

Назад мы не пошли — это несомненно, если же мы, при весьма значительном напряжении всех политических и общественных сил страны, мало продвинулись вперед, то это происходит главным образом оттого, что на пути нашем встречалось немало препятствий. Существование этих препятствий, опять-таки, явление последовательное, а напряженность их противодействий — явление, сверх того, и утешительное. Элементы, враждебные прогрессу, всегда напрягают, особенно в силу своего сопротивления, именно в те минуты, когда чувствуют, что им остается мало шансов устоять на занятой позиции. Борьба прогресса с реакцией — явление, присущее всякой политической жизни, и в известные эпохи она делается явлением преобладающим. Такую эпоху представляет, по нашему мнению, 1869-й год. В течение его много было сделано попыток затормозить правильный ход органического развития России, и все эти попытки положительно ни к чему не привели, хотя порою внушали серьезное опасение людям, чрезмерно робким. Ни правительство, ни общество не поддавалось темным силам, стремившимся увлечь их в сторону с верного, прогрессивного пути, и в конце 1869-го года направление нашей правительственной и общественной деятельности, в общей сложности, нисколько не изменилось к худшему. Мы не без умысла, говоря о нашем политическом и общественном развитии, упоминаем о деятельности правительства прежде, чем о деятельности общества. Никто, конечно, не может отрицать, что общество наше не дожило еще до эпохи самостоятельного почина во всем, что касается его интересов, и всякий согласится, что в этом отношении оно только следует за правительством, которому до сих пор и принадлежит всецело упомянутый почин. В этом отношении 1869 год ничем не может похвастать перед своими предшественниками. Чтобы доказать справедливость наших слов, сделаем краткий обзор наиболее важных событий нашей общественной жизни за окончившийся год, отделив при этом то, что сделано правительством, от того, что принадлежит самостоятельному почину общества, и потом подведем итоги общие под эти выводы.

Что касается правительства, то его разнообразная деятельность, в общей сложности, имела характер несомненно прогрессивный. Нет почти ни одной отрасли внутренней политической жизни России, по которой бы дело осталось в полном застое и не подвинулось вперед.

Самыми важными вопросами внутренней политики России должно, конечно, считать вопросы, относящиеся до органических реформ⁴ нынешнего царствования. Посмотрим же, в каком положении находится ныне развитие этих реформ.

Мы живем, как известно, накануне последнего момента осуществления величайшей из реформ — реформы крестьянского быта. 19-го февраля 1870-го года окончится срок последних обязательных отношений крестьян⁵ к бывшим их помещикам, и великое дело подходит к концу, совершенно нетронутым попытками реакции, пробовавшей внести в него направление, противное основным принципам крестьянской реформы. В этом отношении 1869-й год будет памятным потому, что в течение него произошла полная неудача попытки исказить вышеназванные принципы при разверстках крестьянских угодий в Северо-Западном крае. Читателям нашей газеты хорошо известна история знаменитого “виленского” проекта, клонившегося к урезке земель, уже находившихся в фактическом владении крестьян Северо-Западного края. Этот проект составлял наследие 1868-го года, и 26-го марта 1869 года потерпел полное поражение — в этот день было подписано знаменитое высочайшее повеление, окончательно утверждавшее за крестьянами все земли, находящиеся в их действительном владении.

Правда, позднее, а именно осенью, обнаружились кое-какие недоразумения в применении Указа 26-го марта. Слова этого Указа — “действительное владение” —

получили толкование, не совсем согласное с их прямым смыслом. Но Главный комитет по крестьянским делам вскоре направил дело на его прямой путь, и всякая опасность миновала. Правда, события, сопровождавшие этот эпизод, лишили Западный край двух энергичных деятелей в лице виленского губернатора контр-адмирала Шестакова и попечителя Виленского учебного округа тайного советника Батюшкова. Но развязка всей истории все-таки оказалась вполне благоприятной для крестьянского дела. Применение судебной реформы шло с успехом. В течение 1869-го года открыт целый новый судебный округ (Новороссийский) и подготовлено все для ведения судебной реформы в Бессарабии. Сверх того, ввиду усердия повсеместного введения столь удачно привившегося к русской жизни мирового института, издано высочайшее повеление об открытии мировых судов во всех губерниях империи, в которых действуют земские учреждения. Вследствие этой прекрасной меры мировой институт⁶ уже сделался национальным учреждением в России и в общей сложности действует столь удовлетворительно, что вызывает полное и безусловное сочувствие народа.

Правда, в течение 1869-го года была опубликована мера, относящаяся к новым судебным порядкам, которая возбудила в обществе некоторое опасение за неприкосновенность великого и плодотворного принципа равноправности перед судом всех русских граждан. Но, к счастью, эта мера не имела тех последствий, которых от нее ожидали. Мы говорили о разрешении, данным некоторым высокопоставленным лицам, требовать, если они найдут это нужным, чтобы судебные показания снимались у них на дому в тех случаях, когда они будут привлечены свидетелями по какому-нибудь вопросу. Первый опыт применения на практике — этот опыт показал, что по неудобству обстановки для допрашиваемого допрос на дому, в сущности, вовсе не привилегия, а просто мера, принятая ввиду материальной невозможности для высокопоставленного лица в иных случаях явиться в суд для показаний. Это так верно, что после первого опыта применение на практике уже не повторилось, несмотря на то что было несколько случаев привлечения к суду высокопоставленных лиц в качестве свидетелей.

Переходя к вопросу об объединении наших окраин с остальными частями империи, мы видим, что в трех главных пунктах этих окраин поступательное движение помянутого вопроса, вполне зависящего от почина правительства, было не одинаково быстро. Всего более в этом отношении сделано в Привислинском крае⁷. Там принято несколько весьма важных и решительных мер в объединительном смысле, а именно: открыто во всех губерниях края действие казенных палат и совершенно уничтожен искусственный центр краевой финансовой администрации, находившийся в губернском городе Варшаве. Затем уничтожена там же особая униатская комиссия⁸, и заведование делами униатов перенесено в Петербург, в Министерство народного просвещения. Далее — основание в Варшаве Русского университета взамен прежней Польской главной школы. Все это, вместе взятое, составляет весьма серьезный шаг вперед, и остается только желать осуществления тех последних реформ, по введении которых Привислинский край делается фактически тем, чем он и должен быть, т. е. нераздельною органическою частью России.

В Северо-Западном и Юго-Западном краях дело объединения шло гораздо медленнее. Впрочем, 1869-й год и там ознаменовался несколькими важными мерами. К числу их надо отнести, во-первых, отделение от Виленского генерал-губернаторства двух губерний, Могилевской и Витебской, которые, таким образом, вошли в область общего права, действующего в империи. Затем следует официальное поднятие вопроса о введении русского языка в католическое богослужение, что в

настоящее время уже начинает осуществляться на практике и приведет, наверное, к полному разобщению католичества с польщизною. В Юго-Западном крае принята была в течение минувшего года одна сколько-нибудь замечательная мера, а именно: должность командующего войсками Киевского округа отделена от должности главного начальника края. В Эсто-Латышском крае объединительное дело шло с величайшею медлительностью. В начале года, правда, была принята важная по своему политическому значению мера, а именно: государственным крестьянам Эсто-Латышского края дарованы земельные наделы и, таким образом, положено в прибалтийской окраине ядро почти не существовавших там крестьян-землевладельцев. Но на этом вопрос устройства крестьян в Эсто-Латышских губерниях и остановился. Остальные меры ограничились перенесением цензуры латышских книг, составлявшей до сих пор привилегию Дерптского университета, из Дерпта в Ригу, причем цензорами латышских сочинений назначены были два природных латыша, да несколькими более или менее удачными попытками новых губернаторов настоять на применении уже давно изданного закона о введении русского языка в официальную переписку административных мест Эсто-Латышского края.

Затем в северной окраине России, т. е. в Финляндии, уже вовсе незаметно деятельности такого рода, о которой мы говорили выше. По отношению к этому краю в прошлом году осуществилась эта мера, придавшая ему, напротив, характер почти совершенно отдельного от России, по своей правительственной системе, государства. Мы говорим о законе, утвердившем периодичность созывания Финляндских сеймов⁹, которые, таким образом, сделались органическим фактором управления страной и придали этому управлению чисто конституционный характер.

Наконец, в одной из наших восточных окраин, а именно в киргизской степи, преобразован быт тамошних кочевников. К сожалению, эта реформа была вначале дурно понята большинством киргизов и введение ее вызвало вооруженное сопротивление, которое, надо полагать, имело весьма серьезные размеры (достоверно об этом предмете известно весьма мало), так как даже в официальном органе нашего правительства события в киргизской степи прямо названы возмущением. Впрочем, это возмущение в настоящее время уже прекращено и реформа быта киргизов вводится беспрепятственно. Попечения правительства о народном образовании выразились в минувшем году двумя мерами. Во-первых, в 50-летний юбилей С.-Петербургского университета государем императором даровано щедрое пособие нуждающимся студентам, давшее возможность учредить при университете 100 новых стипендий, и, во-вторых, положено начало правильного развития народных школ учреждением особых инспекторов над ними и ассигнованием особой суммы в 360 000 рублей ежегодно на учреждение образцовых народных школ.

Для нашего Военного ведомства 1869 год будет годом, надолго памятным. В течение его принят ряд важных мер, почти окончательно довершивших военную реформу в России. Прежде всего, издано новое Положение о Военном министерстве, увенчавшее собой окончательно прекрасную и вполне целесообразную реформу военной администрации.

Затем издано Положение о вольноопределяющихся¹⁰ на военную службу и о производстве всех нижних чинов вообще в офицеры. В основу этой важной меры положено, как известно, полное равноправие всех нижних чинов, к какому бы сословию они ни принадлежали и каким бы путем ни поступили на службу, на получение офицерского чина. Отныне мерилом права на получение этого чина

является только одно для всех общее условие, а именно: окончание курса в юнкерских училищах, которые открыты одинаково как для прямо поступающих в них лиц из всех сословий, так и для нижних чинов, поступающих на службу путем рекрутского набора. Нет никакого сомнения, что приведенное в такой порядок производство в офицерские чины, во-первых, доставит службе опытных и вполне проникнутых обязанностями воинского звания офицеров, во-вторых, окончательно отнимет у военной службы в нижних чинах все те ее особенности, которые заставили сделать из нее, вопреки намерениям Петра Великого, повинность, тяготившую исключительно только над одними низшими классами русского общества.

Новый успех военных училищ и учреждение военных всесословных гимназий¹¹, наверное, также сильно будет способствовать цели, осуществление которой так желательно как в экономическом, так и в других отношениях. К реформам, относящимся до военного ведомства, принадлежит также отчасти и последовавшее в начале 1869-го года важное преобразование в быте наших донских казаков, которые до последнего времени жили во многих отношениях совершенно особою, замкнутою гражданскою жизнью. Эта-то именно замкнутость и уничтожена ныне: казачье сословие, с одной стороны, сделалось доступным каждому желающему поступить в него, а с другой стороны, сами казаки получили возможность свободно выходить из своего сословия. Такою мерою разрешен весьма удачно не лишенный даже и политического значения важный вопрос о привлечении донских казаков к общей гражданской жизни в России. Надо полагать, что после нее будет уже легче принимать постепенные меры к упомянутому слиянию... Одна из таких мер уже принята, именно: донское дворянство получило право называть своих прежних депутатов дворянскими предводителями, и, сверх того, ему дан мундир, схожий по шитью и цвету сукна с общим дворянским мундиром империи.

Казачья реформа вообще близко прикасается к вопросам сословным. Вот что сделано в этом отношении в течение 1869-го года.

Меры правительства коснулись в этом году только двух сословий — городского и духовного. Опубликован проект первого Городового положения, главные черты которого состоят, во-первых, в причислении к городскому сословию (в качестве избирателей и гласных) всех городских землевладельцев и, во-вторых, в преобразовании городского управления по образцу управления земского. Размеры краткого газетного обзора не позволяют наметить, даже в общих чертах, предположенные преобразования, которые, впрочем, подробно были рассмотрены нами в целом ряде статей, помещенных в нашей газете прошлого года. Мы ограничимся только заявлением, что проект нового Городового положения в своих общих чертах является необходимым и логическим дополнением реформы всего общественного строя, столь успешно начатой земскими учреждениями.

Духовное сословие в 1869-м году подвергалось радикальной и в высшей степени благотворительной реформе. Замкнутость его, сделавшая из русского духовенства что-то вроде sacerdotalной касты¹², окончательно уничтожена. Отныне принадлежащими к духовному сословию считаются только лица, носящие священнослужительский сан (священники, диаконы, причетники). Дети же их получают общие гражданские права, и им открывается доступ ко всем отраслям общественной и государственной деятельности. Это громадный, громадный шаг вперед, особенно если принять в соображение последовавшее в нынешнем году преобразование духовных академий, возвысившее уровень образования в этих учебных заведениях до размеров, делающих важным прилив в них молодежи из

других классов общества. Священнослужительство, перестав быть своего рода роковою обязанностью для детей духовенства, потеряет, надо полагать, свой прежний характер какой-то обязательной службы, столь вредный там, где удовлетворительное исполнение взятых на себя обязанностей немислимо без внутреннего призвания и убеждений в истине начал, которым служишь.

Финансовая летопись 1869-го года, по обыкновению, не находится в гармонии с летописью прочих отраслей правительственной деятельности. Правда, обнародованная в начале года роспись государственных доходов и расходов представила результат довольно утешительный, а именно: обнаруженный ею дефицит (15 174 074 рубл.) представлял цифру гораздо менее значительную, чем дефициты прежних лет, и, сверх того, предвиделась возможность покрытия этого дефицита из ординарных ресурсов. Но, тем не менее, в течение года был сделан заем в 15 000 000 рублей. Правда, необходимость этого заема объяснялась во время его запуска потребностью извлечь из обращения излишнее количество бумажных беспроцентных знаков, и такое объяснение было даже причиною необыкновенно успешной подписки на новый заем. Но позднее было заявлено, что полученные займом кредитные билеты, предназначавшиеся к уничтожению, на время еще будут сохранены в обращении.

Кроме упомянутого нами займа, в 1869-м году последовал еще второй выпуск облигаций Николаевской железной дороги.

Правительственные мероприятия, касающиеся наших путей сообщения, ограничили определением наиболее необходимых линий железных дорог, на которые и решено было выдавать концессии прежде прочих, сверх того, предпринято преобразование Министерства путей сообщения, и преобразование это, еще не обнародованное в принципе, фактически уже состоялось. Так, после назначения министром путей сообщения графа Бобринского вместо генерала Мельникова заведование железными дорогами и водяными путями сообщения сосредоточено в руках двух лиц, являющихся помощниками министра и пользующихся правами начальников отдельных управлений.

По народной гигиене принята в начале 1869-го года весьма важная мера, а именно введено оспопрививание.

По отношению к печати деятельность правительства выразилась учреждением особой Комиссии для пересмотра законов о печати. Результаты деятельности этой комиссии еще впереди, и надо желать, чтобы наступающий год был свидетелем установления таких законов, при которых эта отрасль нашей гражданской деятельности, по справедливости гордящаяся тем, что она создала в России глубоко и искренне сочувственное правительству общественное мнение, вступила, наконец, в область общего права из области нынешних исключительных отношений, ставящих ее в зависимость от двух учреждений, совокупное действие которых уже признано невозможным в нашем законодательстве, т. е. суда и администрации.

Таковы итоги правительственной деятельности за 1869-й год. Завтра обратимся мы к образу деятельности общества».

«Московские ведомости». Москва, 2-го января.

«Каждый год в жизни исторических народов имеет свою физиономию. Нельзя сказать, чтобы физиономия истекшего года в нашем отечестве была очень красива, но она выразительна. И хронические, и острые недуги, которыми страдают наши дела, определились в истекшем году очень явственно, и наступившему году передается, несомненно, наследие деморализации и уныния, овладевающего об-

ществом после неслыханных зрелищ, которых оно было свидетелем. Солидарность всех дурных партий обнаружилась явственно, и они, видимо для всех, слились в общем действии, равно направленном и против России, и против нынешнего царствования. Для всех становятся очевидностью загадочные слова покойного Муравьева, что главный ржонд¹³ не в Варшаве, не в Вильне, а на берегах Невы, хотя, по грустной иронии судьбы, сам же Муравьев спасовал перед тайным злом, когда оно у него было под рукою...¹⁴

Зло после того выросло; оно овладело полем, оно располагает такими средствами обмана, что борьба с ним становится почти невозможна. Все, чем сильна государственная жизнь, что связует народ в одно живое и крепкое целое, чем дорожит, паче золота, мудрое правительство, поругано и потрясено... Но солнце обновления, которое возшло над Россией 19-го февраля 1861-го года, не померкло. Воля, управляющая судьбами России, не изменилась: рука дающего не оскудеет, хотя руки принимающие, видимо, слабеют и никнут...

И истекший год, каков бы он ни был, ознаменовался днями, достойными 19-го февраля. Сюда, прежде всего, принадлежат столь важные и великие по своей руководящей мысли преобразования нашего духовного быта».

Далее «Московские ведомости» указывают на ожидаемую пользу от уничтожения духовной касты, о сокращении приходов. Потом упоминают о некоторых приказах в развитии народных школ и засим, переходя к земским учреждениям, говорят следующее:

«Но, с другой стороны, земские учреждения представляют печальное зрелище. Гласные во многих местах охладевают к своему делу, перестают видеть в нем дело государственного значения, начинают сомневаться в его будущности. Они замечают в правительственных властях какое-то глухое нерасположение к этому созданию правительственной власти. Многие земские собрания последней сессии шли вяло за малочисленностью гласных, иные вовсе не состоялись за неприбытием узаконенного числа членов.

Упадок общественного духа не мог не отозваться на наших новых порядках. Всем понятно, с какой энергией и бодростью пошло у нас дело мировых посредников¹⁵, как много обязано их неутомимой и самостоятельной деятельности благополучное исполнение крестьянской реформы. Но несколько косвенных ударов, и учреждение, начавшееся так блистательно, утратило дух, и лучшие люди, служившие ему органами, покинули его и разошлись. Какой сильный, несокрушимый, ничем не подкупный русский дух оживил администрацию в Западном крае, когда патриотический призыв венценосного вождя народа призвал туда русских людей на национальное дело. И вот теперь все бегут оттуда, и «Виленский вестник» через день, т. е. в каждом номере своем, извещал в последнее время о переменах в составе членов губернских по крестьянским делам присутствий».

«Московские ведомости». От 4-го января 1870-го года.

«По судебному ведомству в истекшем году продолжалось распространение деятельности новых судов и сокращение старых; Второе отделение 6-го департамента Сената упразднено. 7-й и 8-й департаменты слиты в одно общее присутствие. Наоборот, в С.-Петербургском окружном суде образовано новое 7-е отделение.

В одном из старых высших судов, а именно в 1-м департаменте Правительствующего Сената, занимающимся административною юстицией¹⁶, произведено

важное изменение: дела в этом департаменте решались прежде единогласно, а в случае разногласия восходили в общее собрание, в чем заключалась важная гарантия для интересов, подлежащих компетенции этого судилища. Ныне дела окончательно решаются по большинству голосов. Будь это постановление сделано несколькими месяцами прежде, то процесс о газете “Москва” вовсе не дошел бы до общего собрания и к состоявшемуся мотивированному решению не представилось бы повода.

По судам новым принято несколько необходимых исполнительных мер; так, например, опекунские дела распределены в местностях, где введены судебные уставы, между окружными и сиротскими судами; усовершенствована нотариальная часть; установлен порядок свидетельствования безумных и сумасшедших там, где действуют судебные уставы, и т. д. ... Политический характер может быть приписан направлению меры, вводящей отбирание судебного показания у высших сановников на дому. Эта мера, а также возложение на судебных лиц обязанности являться к губернаторам для личных объяснений подали повод к толкам, что судебной части не предполагается уделить в действительности то равенство с администрацией, которое составляет коренной принцип судебных уставов. Если бы такие толки оказались справедливыми, то судебной реформе был бы нанесен неоправимый удар: она сильно нуждается еще в том, чтобы законодательство не только обращалось с ней бережно, но и лелеяло ее. Иначе она испортится, лишится духа, и от нее останется только труп, который пришлось бы только убрать поскорее. Особенно важен выбор лиц, руководимый чистыми интересами правосудия, и их правильное повышение и расчетливое сочетание.

По судебной реформе Военного ведомства следует упомянуть об открытии в истекшем году военно-судебных округов Киевского и Виленского.

Военная кодификация¹⁷ деятельно продвигалась вперед, деятельнее, чем снабжение войск улучшенным оружием, хотя в этом деле истекший год составляет эпоху: читателю известно, что к осени наступающего года все войска наши будут снабжены улучшенным оружием и что значительная часть его, более половины, будет готова к весне. Другие улучшения в военном деле неуклонно идут предначертанным путем. Так, в истекшем году изменили свой вид к лучшему и лагерные занятия войск, применительно к вводимому новому Уставу полевой службы, а принимавшиеся одна за другой меры относительно казачьих войск мало-помалу разбирали ту фальшивую стену, которая обособляла их от прочих подданных империи.

Введено новое положение о киргизах, вызвавшее в одной половине их серьезные волнения, которые, однако же, ныне усмирены. Для прочного овладения Приаральским краем занят Красноводский залив на восточном берегу Каспийского моря, и предполагавшегося при этом сопротивления не было встречено. Упомянем, кстати, что при снабжении красноводского десанта фуражом и провиантом впервые применены все способы новейшей техники, либиховский экстракт¹⁸, прессованное сено и т. д. ...

Телеграфное ведомство заботилось о международных сношениях. Открыты кабели русско-датский, русско-шведский, и 1-го января назначено открытие индоевропейского через Кавказ. Дана концессия на продолжение телеграфа между Сибирью, Китаем и Японией. Заключена международная телеграфная конвенция. Зато ничего не сделано не только для удешевления внутренней корреспонденции, но и для представления русской публике тех самых условий, которые допущены для публики иностранной. Внутри дело ограничилось дополнениями сети.

Почтовое ведомство открыло свою деятельность новым порядком пересылки периодических изданий, от которого вынуждено будет отказаться.

Железнодорожное дело шло успешно, поскольку ограничивалось исполнением прежде начатого. Исключение составляет лишь Киево-Балтийская линия, которая давно могла открыться, но все еще не открывается по дурному качеству работ. Другие работы, коих открытие ожидалось в истекшем году, достроились благополучно, хотя Мстинская катастрофа, которая неисчислимо дорого обойдется русской торговле, замедлила открытие некоторых из них (например, Ярославской и Тамбовской) и укладку второго пути на других (Казанской, Козловской, Курской). Важнейшим событием года в этом отношении было совершившееся в декабре соединение Балтийского моря с Азовским, чем Россия обязана быстрому сооружению дорог Курско-Харьковской и Харьковско-Таганрогской. Но эти успехи не должны ослеплять нас. Истекший год был годом казусов в истории русских железных дорог. Прежде всего, он ознаменовался разительными отступлениями от предначертанной и утвержденной программы действий. В большой своей части она оставалась неисполненной, между тем как линии, не вошедшие в первую категорию, сравнительно ненужные или даже положительно вредные, получили концессии. При Лыкской концессии случился еще небывалый у нас скандал. Появилось в газетах письмо, за подписью одного из концессионеров Либавской дороги, <которое> само содействовало проведению подрывающей ее дороги Лыкской. Это обстоятельство, а равно и отсрочка работ на Либавской дороге, хотя это предприятие поставлено так, что ожидаемый от него барыш в значительной мере зависит от сокращения расходов на уплату процентов за время сооружения, заставляют сомневаться в намерении концессионеров довести свое дело до конца, не лишая России важной линии и не вводя своих доверителей-концессионеров в разорение. Дело, очевидно, требует общего собрания акционеров и энергических мер как с их стороны, так и со стороны правительства, без помощи которого они были бы бессильны. Как успели перепутаться понятия в деле самом простом и ясном, видно из ходатайства Балтийской дороги о гарантии после подписки на акции. Если это ходатайство будет уважено, то как удивляться, что самое невозможное покажется любому концессионеру важным и исчезает всякая грань между действительностью и призраками. Серьезность и трезвость, видимо, убегают из области русских железных дорог. Число разрешений на концессии дошло до цифры 168, и никто не хочет заметить, что в России железные дороги могут быть прибыльными лишь под условием значительности своих районов и что всякая большая линия, присоединяющаяся к сети, улучшает положение остальных линий, а всякая промежуточная — есть шаг к кризису, коего мы не избежим, если некоторые местности покроются слишком частою сетью, пока другие остаются вовсе без путей. Несчастные случаи и способ обращения с ними также показывают, что управляющие железными дорогами, в особенности Главного общества, которое было прежде возвеличено, как бы за то вконец опозорилось, разучилось отличать возможные упущения от невозможных: мост горит за мостом, и это служит предлогом к иным упущениям, переправой не объяснимым. Публика будет скоро жалеть, что было на свете изобретение, называемое паровозом, и что это изобретение было введено в России. Уже теперь не только вокруг загадочной Мсты, но и по дороге к Курску купцы отправляют красный товар на тройках, по шоссе, хуже прежнего ремонтируемому, и пользуясь услугами извозчиков, хуже прежнего организованных. Железная дорога есть, и по ней кое-как ходят поезда, но она для торговли призрак, а действительность вокруг совсем расстроилась против прежнего. До открытия железных дорог можно было отправлять грузы на срок, теперь этого нельзя сделать: железная дорога вместо 5-ти дней продержит товар 5 месяцев, и не найдешь на нее ни суда, ни расправы. Не значит ли это пойти

назад с быстротою, свойственной железным дорогам? Какое впечатление остается в людях, где подобные явления в порядке вещей?

На бирже также истекший год обнаружил явственно наши недуги. Их оказалось чересчур много, и хронических, и острых; хорошо по крайней мере, что тут можно уловить тот призрак, который, смешиваясь с действительностью, сбивает с толку русское общество. Тут он является в материальном виде, в каком бы и подлежал сожжению, если бы не ускользал, несмотря на самые торжественные приготовления. Летом, когда повышение биржевых ценностей дошло до *pes plus ultra** безрассудности, был объявлен заем на огромную сумму в 15 миллионов номинально и покрыт весьма успешно. Избыток денежных знаков был очевиден, но как только заем состоялся, Государственный банк явился ходатаем за то, чтобы призраку, лишаящему биржу рассудка, было позволено пожить и подействовать еще несколько месяцев, а может быть, и лет. Ничего другого не могло произойти из этой терпимости, кроме ущерба кредиту акций, в особенности железнодорожных. Так и случилось, а что теория о потребности денежных знаков, выпускаемых банковским путем, есть не что иное, как вредное, непростительное заблуждение, это доказывает каждый день, несмотря на игру сегодня на понижение, завтра на повышение, ведущуюся самым недостойным образом. Подписка на учетный банк в Москве превысила чуть не в сто раз требование: можно ли после этого говорить не шутя, что торговля нуждается в типографском станке, печатающем кредитные билеты? Но уместна ли шутка, когда разоряются сотни людей и вся публика вовлекается в обман?

Переходим к вопросам, с которыми связаны великие интересы государственного единства и, следовательно, в сущности, все жизненные интересы страны. Коль скоро в стране остаются открытыми антинациональные вопросы, то это значит, что во всех отправлениях государственной и общественной жизни присутствует враждебное начало, которое действует, как отравя, и оно-то, если зорким глазом проследить все его действия, вносит повсюду смуту и расслабление. У нас, к несчастью, есть исторические обмолвки, из которых с течением времени произошли вопросы, каковы польский — в Западном крае — и немецкий — в Балтийском.

Истекший год был свидетелем выходящих из ряда, истинно невероятных происшествий по крестьянскому делу в Северо-Западном крае. Эти происшествия, столь необыкновенные, столь поразительные, не могли не произвести глубокого, потрясающего впечатления на все русское общество.

Слава Богу, высочайше утвержденное Положение 26-го марта не позволило уклонить на кривые пути крестьянское дело в Западном крае, где оно имеет силу национального вопроса, и торжественно засвидетельствовало неизменность правительственной программы действий. Такую же силу имеет высочайше утвержденное 29-го ноября Положение Главного комитета, которое недавно опубликовано в циркуляре виленского генерал-губернатора. Этим последним актом решительно ниспровергаются те перетолкования, которым подверглось Положение 26-го марта. В чем состояла сущность этого Положения? Оно закрепляло за крестьянами их действительное наличное владение. Известно, что в таком смысле употреблено это выражение в разных узаконениях по крестьянскому делу и что тот же смысл имеет оно и в представлениях самой виленской администрации по местной крестьянской реформе. Тем не менее, виленская администрация предписала

* крайней степени (лат.)

местным крестьянским учреждениям читать в Положении 26-го марта выражение “действительное владение” с прибавкою слов: предоставленное крестьянам выкупными актами. Этой прибавкой уничтожилось Положение 26-го марта и восстанавливался знаменитый Виленский проект, в котором была выражена мысль о признании за крестьянами владений только по актам, т. е. об отобрании у них земель, вопреки основному закону, укрепившему за ним и все земли, состоявшие в их владении. Губернские присутствия, мировые съезды, мировые посредники, следуя указаниям высочайшей воли, исполнили в точном смысле Положение 26-го марта. Толкования местной администрации разошлись с действием местных крестьянских учреждений. Новое высочайшее Положение не допускает и возможности каких-либо недоумений или ошибок относительно слов “действительное владение”. Оно буквально повторяет две главные статьи Положения 26-го марта. К ним не прибавлено ни одного слова.

Среди лживых толков о последней фазе крестьянской реформы в Северо-Западном крае утверждали, что Положение 26-го марта недостаточно, потому, между прочим, что на практике оказалось множество непредусмотренных им случаев, требующих пересмотра вошедших в законную силу постановлений. Такого рода случаи не только никогда не были заявлены, но и до сих пор большей частью пребывают в неизвестности. Положение 19-го ноября указывает генерал-губернатору представить местные сведения и данные, необходимые для разъяснения упомянутых случаев. Остается пожелать, чтобы собрание этих местных сведений и данных не затянуло столь необходимое окончание крестьянской реформы в Северо-Западном крае и чтобы опыт истекшего года не пропал бы даром.

Во всяком случае, смысл закона спасен, но закон не много сам по себе значит вне вопроса о его исполнении. Как будет исполняться закон? Кто будут его исполнители? До последнего времени в Западном крае были люди, испытанные в деле. Там был жив дух, занявшийся в общем патриотизме народа в годину государственной опасности. Теперь люди эти разошлись и расходятся. Крестьянские учреждения прочищаются¹⁹ в обширных размерах, так что в нынешнем году личный состав их изменился неузнаваемо. Дух, который держал все в связи и давал людям силу и направление, — оклеветан, обесславлен, поруган. Где новые деятели возьмут новую силу, необходимую для действия на таком посту, как Западный край, и в таком деле, как крестьянское, особенно после того, что было с их предшественниками? Все известия оттуда свидетельствуют об общем упадке духа между тамошними русскими людьми.

В искусственно созданном для России так называемом балтийском вопросе в течение минувшего года не произошло перемены, т. е. он подвинулся в антирусском направлении. По-прежнему под действием местных сословий, властей, а также средних и высших казенных учебных заведений громадное большинство населения, несмотря на свое влечение к России и потребности в русском языке, продолжает поневоле онемечиваться, притягивается к соседней Германии. Эстляндским населением усиленно внушаются понятия, враждебные русскому государству: по мере образования им будет все яснее и яснее становиться, что, несмотря на отрядные обещания, исшедшие из уст монарха, они не принадлежат к одной русской семье, но каким-то непонятным для них роком осуждены обращать свои взоры к Берлину, к Германии, и с каждым днем отпадать от нации, которой они часть. Как слабое мерцание огонька еще более дает чувствовать темноту, так легкие намеки в ходе балтийских дел на русскую программу еще резче заявляют ее отрицание в действительности. Сюда относится <учреждение> русской газеты в Риге, маленькая русификация “Эстляндских губернских ведомос-

тей”, за которую эстляндского губернатора чуть не со свету сживают, учреждение на острове Эзель скромной русско-эстляндской семинарии для приготовления учителей в народные школы, учреждение в Риге русско-эстонско-латышской школы для местных православных латышей и эстов. Истинно утешительный признак есть неостывающее участие русского общества – участие, выражающееся в пожертвованиях не только из Москвы, но и изо всех почти мест империи в пользу балтийских православных церквей. Эти пожертвования, равно как учреждение двух упомянутых школ на средства, доставленные московскими благотворителями, и, наконец, некоторые пожертвования в пользу латыша и эста, подвергшихся жестокому преследованию за их преданность России, имели, прежде всего, по крайней мере то последствие, что вынудили враждебных агитаторов прекратить свои насмешки над бессилием и неспособностью русского колосса помочь себе в собственном деле и наложили невольное молчание на некоторые органы балтийской печати... К числу мер, имеющих довольно важное значение, принадлежит определение ежегодного пособия в 10 тысяч рублей балтийским православным народным училищам. Православным крестьянам, вообще весьма бедным и притом разбросанным в разных местностях, будет этой мерой доставлена возможность пользоваться благами просвещения, которыми лютеранские общины давно уже пользуются. 42 православные церкви в Курляндии и Лифляндии снабжены необходимым облачением, утварью, книгами и проч. ... Равным образом и на построение церквей собирались пожертвования, хотя надобно сознаться, что по этому предмету еще многое надо сделать. Реформы аграрная и судебная в Эсто-Латышском крае решительно не продвинулись в прошедшем году ни на шаг. Но, если верить слухам, в наступившем году в Балтийском крае ожидается такая судебная реформа, которая гораздо далее и решительнее подвинет здесь дела в противном России смысле, чем все, происходившее в этом крае в продолжение 150-ти лет...

Истекший год ознаменован для Балтийского края еще введением в тамошние казенные присутственные места переписки на русском языке. Это было законено еще при покойном государе. Но закон был издан как бы для того, чтобы оставаться без исполнения, пока за два с лишним года перед сим эта аномалия не обратила на себя внимание правительства. Было повелено исполнить наконец требование, столь обязательное по своей законной силе и в то же время столь справедливое, естественное, безобидное и не нарушающее ничьих уважительных интересов. Тотчас же посыпались брошюры и корреспонденции. Бароны были подняты на ноги. Г. фон Бок подал своим землякам печатный совет — кричать как можно громче и пугать правительство, что и было исполнено. Требование, дважды заявленное всею силою правительственного авторитета, встречало на каждом шагу причины к неисполнению. Ревельский магистрат возвратил генерал-губернатору официальную бумагу, писанную по-русски, и почтительнейше просил его впредь не обращаться к нему на языке, который ревельский магистрат не знает и знать не хочет. Но вот в заграничных газетах появилась успокоительная корреспонденция, извещавшая Германию, что дело об употреблении русского языка кончилось ничем. Вскоре стало известно, что казенные места в Балтийских губерниях обязываются по-прежнему вести сношения с местными сословными учреждениями не иначе, как на немецком. Так как делопроизводство в балтийских присутственных местах весьма естественно имеет своим содержанием местные дела, которые все находятся в заведовании местных учреждений сословных, то вопрос действительно сводится на ничто. Но еще хуже то, что правительство Российской империи в одной из ее областей должно считать для себя язык иностранный...

Иstekший год начался студенческими беспорядками с прокламациями от вождей и героев нашей революции. Он кончился арестами между учащейся молодежью по делу, имеющему, как говорят, политический характер самого дурного свойства. Интрига, которой нет имени, окончательно избрала средою для своих козней наши учебные заведения. Но 1869-й год прошел в этом отношении не без пользы. Язык событий был так ясен, что и самые тупые умы начали смекать характер зла, которое так нахально издевается над целым народом. Сущность зла должна быть раскрыта; его источники должны быть исследованы; поможет ли нам в этом наступивший год? Если бы так, то он бы стал годом, благословенным в истории Русского государства».

7-го января. Сегодня великая княгиня сказала мне, что она послала копию с манифеста императрицы Екатерины к императрице и что получила от нее благодарственный ответ за эту присылку. Причем она пишет, что передала манифест государю, но что он его не читал. Великая княгиня думает, что этот манифест может успокоить царя тем, что он увидит, что и прежде прокламации бывали. Но я думаю, что теперь его уже ничто не может успокоить, ибо его уже слишком настрашали. К тому же вчера в «Судебном вестнике» появилась статья о III Отделении, в которой приводится манифест императора Александра I об уничтожении Тайной канцелярии²⁰. В этой статье нет ничего особенно резкого, но она, говорят, произвела сильное раздражение. Номер «Вестника» задержали и секвестровали, и против редактора должны теперь начать преследования, так как предварительное задержание прежде суда по закону дозволяется только с тем, чтобы в то же время начато было судебное преследование. Говорят, государь так раздражен, что выразил намерение сослать редактора Лохвицкого в Усть-Сысольск. Не знаю, чем кончится это дело, но статья такого содержания, что преследовать ее решительно невозможно без скандала. Я знаю, что стараются как-нибудь устроить, чтобы судили при закрытых дверях, но этого никак нельзя сделать без явного нарушения закона. Я постараюсь достать этот номер запрещенной газеты и приложу его к своему дневнику, ибо уверен, что эта статья подаст повод к разным глупостям. Я очень рад, что великая княгиня не послала всей моей записки о прокламациях, а только один манифест Екатерины, потому что в записке моей приписан также манифест Александра о Тайной канцелярии, и потому совпадение этой записки со статьей в «Судебном вестнике» могло бы показаться странным. Удивительное, право, время мы переживаем. Вся Россия так спокойна, так занята мирными делами и пользованием материальными улучшениями, что едва ли какое-либо время можно сравнить с настоящим, а государь, окруженный людьми, явно пользующимися его нервическим состоянием, предается неумеренным страхам и, видимо, хочет пуститься в необузданную реакцию. Страшную ответственность берут на себя люди, завлекающие государя в такой безвыходный лабиринт.

10-го января. Вот статья «Судебного вестника», наделавшая столько шуму, несмотря на то что ее задержали и что успели выпустить только несколько номеров. Судебного преследования, говорят, не будет, а так как редактор имеет права по закону требовать преследования, то ему, говорят, объ-

явили, что при первом его поползновении подать об этом просьбу в Сенат его сошлют в Усть-Сысольск.

О политической полиции в России

«До известной степени понятно, что существуют такие органы, как органы тайных обществ, тайные судилища, заводимые противниками существующих порядков в государстве. Но когда сама государственная власть учреждает тайную расправу, когда, таким образом, она сама составляет протест против судебных и политических учреждений, ею же установленных, — тогда недоразумение неразрешимо.

Такое ненормальное явление, однако, существовало у нас с очень древних времен. Бояре жаловались на великого князя Василия Ивановича²¹, что он доверяется во всем дьякам. Царь Иван Грозный учреждает опричнину. При царе Борисе “злые шептуны” в полной силе. Царь Михаил Федорович посылает для надзора над действиями не только областных начальников, но и полковых воевод — своих приближенных дьяков. Шеин колотил их и за это поплатился головой. При царе Алексее Михайловиче учреждается знаменитая “Тайная канцелярия”, которая свое настоящее и ужасное значение приобретает при Петре Великом под начальством Ушакова и Толстого. Все дела политические ведались этим грозной памяти учреждением. Под политическими делами тогда подразумевали не только бунты и заговоры, но и слова, противные, какие бы ни были выражения, мысли, которые могли быть истолкованы в смысле, неприятном для особы государя. Это было то же, что революционный трибунал Французской республики. Все власти, гражданские, военные, духовные, ложились в прах перед грозной и всемогущей Канцелярией. Что она делала при императрице Анне и Бироне — о том страшно вспомнить. Петр III уничтожил Тайную канцелярию. Велик был восторг России. По этому случаю Ломоносов написал торжественную оду. Екатерина II подтвердила это уничтожение. Но при Павле I Тайная канцелярия была восстановлена под названием “Тайной экспедиции”. Если при этом государе не было пыток, то ссылка без суда дошла до колоссальных размеров. Император Александр I, через несколько дней после своего вступления на престол, издал торжественный манифест об уничтожении навсегда Тайной экспедиции. В этом знаменитом акте подробно излагается вся несвойственность подобных учреждений с формой правления, существующего в России, и с благом страны. Приводим его целиком:

“Нравы века и особенные обстоятельства времен протекших побудили государей, предков наших, между прочим, временными постановлениями, учредить Тайную Розыскных Дел Канцелярию, которая, под разными именами и на разных правилах, даже до времен вселюбезнейшей бабки Нашей — государыни императрицы Екатерины II-й, существовала. Признав судилище сие установленному в России образцу правления не свойственным и собственным правилам ее только противным, в 1762-м году изданным манифестом она торжественно его уничтожила и отвергла. Таким образом, имя сей Канцелярии было уже в положениях закона изглажено. Между тем, однако же, по уважению обстоятельств, признано было нужным продолжать ее действие под названием «Тайной экспедиции» со всевозможным умерением правил ее личной мудростью и собственным высочайшим всех дел рассмотрением. Но, как с одной стороны, впоследствии времени открылось, что личные правила, по самому существу своему перемене подлежащие, не могли положить надежного оплота злоупотреблению, и потребна была сила закона, чтобы присвоить сим надлежащую непоколебимость, а с другой, рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы,

судимы и наказуемы общей силою закона, Мы признали за благо не только название, но и самое действие Тайной экспедиции навсегда упразднить и уничтожить, повелевая все дела, в оной бывшие, отдать в Государственный архив к вечному забвению. На будущее же время ведасть их в 1-м и 5-м Департаментах Сената и во всех тех присутственных местах, где ведаются дела уголовные. Сердцу нашему приятно верить, что, сливая пользы наши с пользами наших верноподданных и поручая единому действию закона охранение Имени нашего и государственной целостности от всех прикосновений невежества или злобы, мы даем им новое доказательство, колико уверены мы в верности их нам и престолу нашему, и что польз наших никогда не разделяем мы от их благосостояния, которое едино составляет всегда будет все существо мыслей наших и воли. В прочем предоставляем Сенату постановить и пополнить порядок производства дел сего рода в местах, до коих они принадлежат”.

Полн. собр. зак. № 19813, 1801-го года 2-го апреля.

Что можно прибавить к этим прекрасным словам, исшедшим с высоты престола?

В царствование императора Николая I-го было учреждено 3-е Отделение Собственной Его Величества Канцелярии. Даже в «Полном собрании законов» нет ни одного акта, который бы определял предмет ведомства этого учреждения, степень власти его начальника. Несколько лет тому назад в записках Общества истории и древностей²² были напечатаны документы по делу о распространении православия в Прибалтийских губерниях. Это единственный нам известный печатный материал, дающий понятие о той власти, которую имеет главноуправляющий III-м Отделением. Далее, официально известно, что он, вместе с тем, и шеф Корпуса жандармов. Эти жандармы учреждены были при Александре I-м только как конная внутренняя стража. Пешая внутренняя стража (теперь — губернские батальоны) остались и впоследствии, при первоначальном значении, но конной дано иное назначение: она выделена от подчинения местной администрации и Военному министерству. Официально известно, что империя разделена на жандармские округа, что в каждом губернском и некоторых не губернских городах находится жандармский штаб офицеров с командою. Наконец, официально известно, что после упразднения звания петербургского генерал-губернатора обер-полицмейстер подчинен как шефу корпуса жандармов, так и министру внутренних дел.

Вот все, что официально известно о III-м Отделении Собственной Его Величества Канцелярии. Эта неизвестность порождает в обществе самые фантастические толки о таинственной власти, пребывающей у Цепного моста. Министерство политической полиции существовало как самостоятельное во многих государствах. О его целесообразности могут быть разные мнения, как и о всяком другом министерстве, и нет никаких причин для правительства скрывать или покрывать его существование. При известных обстоятельствах оно может оказать существенную пользу, при других оно с удобством может быть соединено с Министерством внутренних дел. Другой вопрос о его власти. Что III-е Отделение не есть политический суд, вроде Тайной канцелярии или Экспедиции, об этом нечего и говорить. Если 70 лет тому назад император Александр I признал, что целостность государства и безопасность главы государства достаточно обеспечены законами и общими судами, то правительство, в противность истории, духу и букве манифеста (имеющего значение не преходящего, а постоянного закона), очевидно, не могло считать целесообразным существование подобного учреждения в наше время. Но, как небезызвестно всем, III-е Отделение, не будучи судом, а политической полицией, обладает, между прочим, властью — ссылать в отдаленные места без суда.

Всякий уголовный суд имеет значение только по власти наказывать. Таким образом, оно пользуется важною уголовною властью без тех гарантий, которые существуют для подсудимого на суде. Здесь мы касаемся важнейшего из вопросов русской общественной жизни. У нас существует твердый закон, независимый суд. Рядом с этим не гарантирует существование учреждения, действующего без судебных реформ, но могущего ссылать и заключать административным порядком. Спросим об одном — достигают ли эти меры той цели, с которой их предпринимают?

Нам случалось слышать от людей, вполне честных, что такого рода меры составляют печальную необходимость для очищения столиц от людей зловерного образа мыслей, нигилистов и проч. ... Во-первых, заметим, что воспрещение жить в столицах вовсе не одно и то же, что ссылка на неопределенное время в Повенец или Усть-Сысольск. В первом случае человек может избрать себе место жительства, где хочет, может уехать за границу. Обратимся к последствиям. Они прямо противоположны цели. Лица ничтожные, которых крайние и часто до безобразия неверные мнения в столице не могут принести большого вреда, потому что здесь действует масса умственных сил большого разряда, их уничтожающих, в Повенце или Кадоме являются колоссами. Здесь-то они и могут вести свою пропаганду без всякого отпора. И так зло, которое по естественному ходу вещей могло зародиться только в одном пункте и где оно не могло разрастаться, мы переносим на незащищенные части тела. Это одно последствие, даже в таком предположении, что администрация обладает талисманом безошибочно отличать людей зловерных от хороших, и при другом предположении, что все ее агенты непременно самого благонадежного образа мыслей, чувств и действий. Способы выполнения первостепенными агентами часто еще усугубляют без нужды тяжесть меры. Известны случаи, когда человека, даже не замешанного в политической истории, брали внезапно и ссылали. У него есть семейство, у него могут быть важные личные дела, и ему не дают ни дня времени, чтобы распорядиться своими делами, оградить хотя бы свои имущественные интересы, распорядиться детьми, снарядиться в далекий путь, избрать поверенного, даже проститься с семейством.

В минуту государственной опасности власть обязана принимать самые решительные меры; в таких случаях и в древнем, свободном Риме Сенат давал властям полномочия чрезвычайные. Но что полиция политическая и не политическая, во время спокойствия, не при военном положении, имела право действовать по этому римскому обычаю, — этого нельзя согласить ни с государственными интересами, ни с законностью. В течение 18-го и частью 19-го века русское правительство было ограничено, собственно, только двумя началами, неизвестными старой России, где ограничениями были церковь, обычаи, родовая аристократия в лице боярской Думы, земские советы. Эти два ограничения новой России заключались, во-первых, в имени Петра Великого, во-вторых, в “что скажет Европа”. Все преемники Петра Великого торжественно ставили его образцом для себя: его учреждения, планы, мнения считались святынею. Каждый важный новый закон подкреплялся ссылкой на имя Петра. Этот культ имел благодетельные последствия: он был ручательством прогрессивного движения нашей страны, он давал нам предания, известный порядок, устанавливал известный круг политических идей. Другое начало — “что скажет Европа”, в сущности, превосходное, выражавшее стремление стать европейским государством, а не возвращаться в Азию, вело, однако, часто к лицемерию: устанавливалась двоякая жизнь — одна напоказ, для Европы, другая — закрытая, для внутреннего обихода. Мы можем насчитать много учреждений, сделанных только для парада, явных, торжественных, — это для Европы —

и можем насчитать много и таких учреждений и мер, которых Европа не разглядит, которые прикрыты ничем не выражающими именами, но в которых заключается вся суть дела, это для домашнего обихода. Люди прошлого века находили все это естественным; то, что составляет сущность Европы — законность и общественные льготы их мало интересовали. Но времена переменялись. Мы, конечно, дети Петра Великого, но мы также дети великих прогрессивных начал новой европейской жизни. Конечно, и теперь безынтересно справляться о том, “что скажет Европа”, но гораздо более нужно размышлять о том, “что скажет Россия”, которая подросла и может говорить».

11-го января. За приведенные выше статьи «Московских ведомостей» дано им первое предостережение; Катков напечатал это предостережение и в передовой статье принес повинную. Эта статья удивила всех, о ней много толкуют и объясняют ее различно, в этой путанице ничего понять нельзя. Я, со своей стороны, рад, что Катков не прекратил издания. По крайней мере останется на некоторое время хоть один честный орган. По той общей радости, которую выражала немецкая, польская и шуваловская партии при известии о том, что «Московские ведомости», вероятно, перестанут выходить под редакцией Каткова, можно судить о значении этого органа. Прилагаю текст предостережения и статью Каткова.

Распоряжение министра внутренних дел

8-го января 1870-го года

Принимая во внимание, что:

Передовые статьи № 2 и № 3 «Московских ведомостей», обозревая события и обстоятельства минувшего года, изображают многие из сторон правительственной деятельности и вообще положение дел нашего отечества в превратном виде и тем способствуют распространению в обществе неосновательных и тревожных опасений, могущих возбудить в нем недоверие к правительству, и что подобные явления в печати, не согласные с духом действующих о ней постановлений, не могут быть терпимы без прямого ущерба достоинству и значению Правительственной власти.

Министр внутренних дел на основании статьи 29, 31 и 33 От. II, высочайшее утвержденное 6-го апреля 1865-го года, мнения Государственного совета, согласно заключению совета Главного управления по делам печати, определил: объявить первое предостережение газете «Московские ведомости» в лице издателей редакторов статских советников Михаила Каткова и Павла Леонтьева.

Москва, 10-го января

«Во главе нашего сегодняшнего номера печатается касающееся нас распоряжение министра внутренних дел. Закон, в силу коего сделано это распоряжение, возбраняет обсуждение оно в том самом номере, где он печатается. Но закон не запрещает газете, подвергшейся предостережению, обратиться к самой себе. Мы рады, что нам представляется случай, хотя и прискорбный, доказать на деле наше уважение к обязательной силе закона, вопреки лжетолкованиям, которым так часто подвергались наши слова и действия. Мы беспрекословно подчиняемся авторитету правительственной власти и с легким сердцем принимаем сделанное нам предостережение; поступая так, мы не противоречим нашему прошедшему. Напротив, мы предполагаем, что остаемся верными ему и исполняем долг, которому

следовали в продолжение всей нашей деятельности. Был случай, тому назад почти 4 года, когда мы затруднились принять сделанное нам предостережение. Оно, так казалось нам, поражало нас в том, что было самого существенного в нашем направлении. Принять его и продолжать деятельность значило отречься от того, что давало ей смысл и цену в наших глазах. Мы не могли этого сделать и предпочли отказаться от издания по истечении установленного законом, как мы полагали, льготного срока. Мы не хотели избежать действия власти — напротив, мы добровольно подвергались самым тяжким последствиям столкновения с ней. Единственной целью общественной деятельности нашей, поскольку она имеет политический характер, было служить интересам правительства. Могли ли мы, по совести, продолжать наше служение, когда оно, во имя правительственного авторитета, было осуждено в самой сущности своей? Нынешний случай не имеет ничего общего с тогдашним. Речь идет не о существенном осуждении нашего направления — оно остается вне вопроса, а о 2-х статьях, которые появились в нашей газете и которые, мы сознаемся в том, могли подать повод к предостережению на основании действующих о печати постановлений.

Перечитывая наши статьи, мы видим ясно нашу погрешность. По обычаю, нам предстояло в начале наступившего года сделать краткий обзор минувшего. Мы были под тяжким гнетом происходивших событий и чувствовали на себе всю силу борьбы, которую должны были выдерживать, и интересы, самые дорогие для всякого честного и мыслящего русского человека. Мы не могли не начать с того, что господствовало над всеми нашими мыслями и покоряло все наши соображения. Но мы упустили из виду свойство простой задачи, которая нам предстояла, и ошибочно поставили под одним углом зрения предметы самые разнородные и явления, требующие особых оснований для своей оценки. То, что было противовесом злу, недостаточно выступало на свет и исчезло в неправильной группировке. И дурное, и хорошее проникалось чувством общей горечи. Вместо полного фактического обзора явился ряд как бы случайно собранных, не имеющих внутренней связи и не соразмерных одна с другой оценок, и вся картина в совокупности вышла столько же мрачная, сколько несоответственная истине. Можем ли мы сетовать за порицание того, что, по нашему собственному убеждению, не может быть одобрено? Пусть наши ошибки и погрешности подвергаются осуждению, мы не желаем для них привилегий. Пусть поражают нас в наших погрешностях: этим только возвышается дело, которому мы служим и перед которым должна исчезнуть наша личность и замолкнуть наше самолюбие. Мы сделали промах и должны пенять на себя. Промах есть промах, и мы не считаем себя вправе на снисхождение, во имя наших добрых намерений. С чем боролись мы непрерывно? Не с той же тенденцией, которая поставила себе задачей клеветать на положение дел в нашем отечестве и представлять его на краю гибели, для того, чтобы действительно направить его к гибели? Не с тем ли обманом, который неутомимо старается обойти все наши дела и пытается обезглавить лучшую страницу нашей истории? Не с той ли, теперь всем видимою, интригой, которая подкапывается под благие начинания верховной власти и подрывает доверие к правительству в самых важных и самых трудных пунктах государственного домостроительства? Лишь органы этого направления, в печати и не в печати, нуждаются в привилегиях, иначе они не могли бы действовать и высказываться.

Нам предоставлено передать издание нашей газеты Университету²³ по первому полученному предостережению. Право это мы удерживаем за собою, но должны ли мы воспользоваться им в настоящую минуту? Некоторые нам сочувствующие, но мало нас знающие лица, по прочтении наших статей, о которых идет

речь, полагали, что мы, утомленные долгой, непрерывной деятельностью, полной борьбы, тревог и потрясений, сами хотели вызвать предостережение, чтобы иметь предлог сойти с арены, — нет, мы не имели этой мысли и вот доказательство: мы остаемся при деле, несмотря на представившуюся возможность отказаться от газеты без нарушений наших обязательств. Мы остаемся, несмотря на то, что силы наши действительно требуют отдыха. Мы думаем, что именно в это время мы не должны покидать свой пост. Если бы внутреннее чувство недостаточно ясно говорило нам в таком смысле, то нас не могла бы в этом не убедить ожесточенная вражда, которой мы стали предметом и которая именно теперь достигает крайних пределов».

16-го января. Сегодня, в первый раз в нынешнем году, был я приглашен к обеду к царю. За обедом были: царь, царица, княжна Мария Александровна и великий князь Алексей Александрович, а из приглашенных — Муханов Н. А., граф Шувалов (шеф жандармов), Григорий Строганов и я. Царь, казалось, был в хорошем расположении духа, за обедом рассказывались, по обыкновению, анекдоты, особенно потешались над графом Бергом, приводили образцы его благерства²⁴ и просто лжи. Граф Шувалов имеет вид человека, вполне сознающего свою силу. После обеда говорили с царем наедине, видимо, все о производящемся деле заговора. Рано или поздно надо же будет обнаружить, в чем дело. Трудно верится, чтобы могло быть что-нибудь серьезное. Со мною и царь и царица были очень ласковы. Замечательных разговоров не было.

Сегодня сын мой Александр поехал за границу с двоюродным братом своим Валерианом. Оба кончили вместе курс Московского университета, учились хорошо и кончили кандидатами. Отправились они за границу погулять и отдохнуть, ибо они весьма благоразумные и скромные юноши, дай Бог, чтобы путешествие пошло им впрок.

6-го февраля. Странная публикация появилась обо мне в иностранных газетах, я узнал о ней третьего дня, на маскараде в Дворянском собрании, от французского посла — генерала Флери, который предлагал мне свои услуги, чтобы телеграфом опровергнуть глупое известие о моем, будто бы, аресте. Но так как это известие заимствовано французскими газетами из краковской газеты, уже известной своими гнусными выдумками, то я предпочел ограничиться опровержением в «Journal de St. Petersburg». Прилагаю при сем эту публикацию^a.

Вчера был утром концерт у великого князя, на котором, кроме царя, была вся царская фамилия. Великий князь показал императрице №, где помещена краковская корреспонденция, и императрица ее прочла громогласно, при всеобщем смехе. Нельзя понять цели подобной публикации; полагаю, что имя мое, как более известное на границе и в Кракове, попало случайно под руку сочинителя фальшивых известий, и он воспользовался им для того, чтобы пустить в ход газетную утку. Как бы то ни было, но, вероятно, многие поверят этому известию, несмотря на опровержение.

^a Публикация отсутствует.

9-го февраля. Сегодня я обедал у царя с князем Черкасским — московским городским главою — и князем Долгоруковым — московским генерал-губернатором. Царь и царица были очень любезны и говорили с удивлением о газетной выдумке на мой счет. За обедом государь показался мне в особенно хорошем расположении духа, в каком я его уже давно не видел. Видно, что ни ему, ни мне не успели много нагадить наши общие благоприятели — Шувалов и К°. Внимание царя к Черкасскому может иметь значение. После выхода Черкасского в отставку и оставления должности главного директора внутренних дел в Царстве Польском, несмотря на убедительную просьбу царя остаться на этом месте, можно было ожидать, что он впадет в совершенную немилость, тем более что на него, как на главного деятеля в Польше, преимущественно сосредоточена была злоба польской партии и всех петербургских ее доброжелателей. В прошедшем году Черкасский был выбран в Москве городским главою, и он теперь из всех кандидатов на высшие должности самый способный. Он мог бы быть весьма полезным министром внутренних дел. Но для того, чтобы подобное назначение могло состояться, нужно, чтобы потребность в употреблении способных людей сделалась крайнею и чтобы Шувалов с братиею удалились. А этого теперь еще не предвидится. Но важно уже то, что личность Черкасского, видимо, не противна царю и что в данных обстоятельствах призыв его к службе может быть возможен.

Теперешний министр внутренних дел генерал Тимашев до того уже плох, что крайняя его неспособность становится уже поразительна. Едва ли он может долго удержаться на своем месте. Почти все его представления в Государственный совет и в Комитет министров не только отвергаются, но даже подвергаются всеобщему осмеянию. Товарищи его еще неспособнее и плоше его. Недавно Тимашев представил государю на утверждение проект оснований административно-полицейской реформы и просил государя утвердить эти основания, но государь приказал внести их в Комитет министров, и теперь проект этот разослан министрам для представления их соображений. По поручению министра финансов, я, со своей стороны, дал свой отзыв на этот проект. Это такое безобразие, что трудно поверить. Проект этот обличает в составителях так мало не только знаний и понимания дела, но даже простых сведений о порядке и способе ведения законодательных работ, что нельзя серьезно его обсуждать. По всей вероятности, он будет забракован. Журналистика подхватила теперь этот вопрос и разбирает его беспощадно. Быть может, Тимашев почувствует наконец свою неспособность и удалится. Тимашев есть довольно верный тип людей, которым после каракозовской истории поручено управление делами. Он в молодости, после окончания юнкерской школы, служил в гвардии, в Кавалергардском полку, был хорошим и ловким танцором и отличался талантом карикатуриста и скульптора, но делами никакими никогда не занимался. Во время Венгерской войны²⁵ служил где-то в штабе, а потом назначен был начальником Корпуса жандармов в то время, когда князь Василий Андреевич Долгоруков был шефом. Эта служба в III-м Отделении исковеркала и те природные способности, которые у него были. Простой смысл неглупого человека, не получившего особенного образования, получил фальшивое, мелко полицейское направле-

ние. Он был противником всех реформ, по крайней мере слыл таковым, но ни одной из произведенных реформ он, в сущности, не понимал, а принадлежал всегда к числу гостиных ругателей и консерваторов. Будучи недовольным мягкостью характера Долгорукова, он, под причиной болезни, вышел в отставку и жил за границей, ничем не занимаясь. Его призвал государь сперва на должность министра почт, а потом и министра внутренних дел, соединив эти два министерства, собственно, потому, что после реакции, происшедшей в государе после караказовского покушения, он не только стал подозрительно относиться ко всем произведенным реформам, но также, и в особенности, стал дурно расположен и ко всем лицам, которые участвовали в сих реформах или явно им сочувствовали. Он стал призывать на высшие должности людей, которых знал недовольными этими реформами, полагая и надеясь, что эти люди будут в состоянии остановить дальнейшее развитие этих реформ. Но, не говоря уже о том, что ничто, в сущности, не оправдывало отступательного движения, государь ошибся еще и в том, что люди, которым дана была власть, оказались столь неспособными и невежественными, что они не в состоянии до сих пор формулировать ни одного мало-мальски толкового предложения, даже в реакционерском смысле. Так, все попытки Тимашева законодательным путем изменить что-либо в законах о печати, о земстве, о крестьянстве остались тщетными и взяты назад, не выдержав критики Государственного совета, даже при настоящем его составе. То же будет, вероятно, с его проектом основных положений административно-полицейской реформы, цель которой, насколько можно ее понять, заключается в ограничении прав, дарованных земским и судебным учреждениям, под предлогом необходимости усилить власть губернаторов.

В «Московских ведомостях» появилась очень хорошая статья в опровержение пущенного газетами известия о моем аресте. Кроме того, и в иностранных газетах, как французских, так и немецких, напечатаны телеграммы в опровержение этого известия.

Сегодня на балу у английского посланника государь подошел ко мне и сказал, что получил письмо от королевы Вюртембергской Ольги Николаевны, которая очень смущена прочитанным ею в газетах известием о моем аресте и беспокоится и просит уведомить ее, правда ли это. То же самое сказали мне великая княгиня Ольга Федоровна и Евгения Максимилиановна, которая получила письмо от сестры своей Марии Максимилиановны Баденской. Я тоже начинаю получать с разных сторон вопросы. Эта пущенная, не знаю кем и зачем, утка обо мне начинает походить на собаку Алкивиада²⁶. Вреда, во всяком случае, она мне не принесет.

18-го февраля. Сегодня было у императрицы un petit comité* музыкальное утро, я был с женой и Вавочкой. Пела Патти. Я получил письмо от Саши из Ниццы. Он пишет мне, что в день отъезда его из Парижа он прочел там в газете «Gaulois» известие о моем будто бы аресте, вследствие сего он немедленно отправился в редакцию этой газеты и заставил ее напечатать опровержение этого известия.

* Здесь: узкий кружок.

26-го февраля. На прошедшей неделе здесь весьма усердно справляли масленицу. В Зимнем дворце было два бала — в Концертной зале и в Эрмитаже и, кроме того, в последний день — *déjeuner dansant** в Золотой зале, тут государь много танцевал. Кроме того, были балы у наследника и у графини Протасовой. Между тем остзейский вопрос опять начинает шевелиться. Лифляндские бароны на Ландтаге²⁷ составили адрес, который прислали сюда государю, помимо генерал-губернатора. В том адресе они, в сущности, ничего не просят, ибо заключают вообще призывом к восстановлению их прав. Но адрес тот замечателен тем, что в нем откровенно и смелее, чем прежде, выражают лифляндцы свою претензию на полную самостоятельность; ссылаясь на аккордованные пункты²⁸ Петра и на Нейштадтский мир, они прямо заявляют, что отношения их с Россией устанавливаются международным договором, ограничивающим будто бы право русского правительства применять к ним в каких-либо случаях русские законы, жалуются, что правительство не позволяет православным переходить в протестантизм и что права, дарованные Сигизмундом Августом об исключительном употреблении немецкого языка, нарушаются последними распоряжениями правительства. В заключение они говорят, что обращаются к государю не как верноподданные, а как к своему покровителю: все эти демонстрации немецких баронов доказывают, что они рассчитывают здесь на сильную поддержку графа Шувалова и что они хотят во что бы то ни стало заручиться теперь же какими-нибудь новыми аргументами или актами для укрепления своих прав, ибо чувствуют, что нынешнее царствование есть для них самое благоприятное и что оно, вероятно, последнее. Государь, как ни снисходителен к требованиям остзейских баронов, однако, видимо, смущен их заявлениями. Но вместо того, чтобы просто не принять подобного адреса, он намерен объявить отказ в умеренной форме. На совет к этому делу призваны только Урусов, Панин, Шувалов, Альбединский и Тимашев, все происходило в величайшей тайне, придумывают разные выражения в опровержение требования, и заранее можно сказать, что выйдет вздор. Цель лифляндских баронов, во всяком случае, будет достигнута, ибо им важен тот факт, что адрес приняли, что его обсуждали, и что хотя со взглядом их не согласны, но что почва, на которой они поставили вопрос, не отвергнута. Вот в подобных-то делах более всего прискорбно видеть, что нет ни одного мало-мальски способного и умного государственного человека среди близких соратников государя. Замечательно то, что все лица, от которых государь мог бы ожидать по остзейскому вопросу несколько самостоятельный взгляд, нарочно не призваны им на совещание по этому делу. Так, Горчаков не только не был призван, но во время заседания находился в соседней комнате, ждал окончания совещания для своего доклада. Ни Милютин, ни Зеленый, ни великий князь Константин Николаевич не были призваны. Хотя все это происходит под охраною величайшей тайны, но уже в публике начинают говорить о каком-то лифляндском адресе, и в «Голосе» вчера появилась довольно сильная статья, которую я здесь прилагаю.

* завтрак с танцами

«Голос», 24-го февраля 1870-го года.

«Тройная стена “вековых привилегий”, местных особенностей и канцелярской тайны, окружающих немецко-балтийских деятелей, не всегда может удержать вверяемые ей секреты. Изредка доносятся до русского народа отрывочные слухи о том, что делается в землях, приобретенных его кровью. Жалобы угнетаемого населения не всегда могут быть заглушены своевременными “мероприятиями”. Торжество триумфаторов не всегда держится в пределах достоподобной аккуратности и умеренности, отличающей немцев.

В числах этих отрывочных сведений первое место должен занять слух об адресах, будто бы составленных ландтагами трех балтийских губерний в последнее их собрание, о ходе которого мы своевременно извещали читателей. Адреса эти, как слышно, с поразительной ясностью формулируют требование горсти немецких колонистов по отношению к русскому народу и высшей власти в империи. Дело идет уже не только о преобладании немецкого языка над русским, протестантизма над православием, “местных особенностей” над общими законами, а об установлении местного представительства, особого от учреждений Русской империи и общего только для трех прибалтийских губерний.

Не знаем, до какой степени верен тот слух, но говорят, что для губерний Митавской, Ревельской и Рижской предполагается ввести один общий ландтаг, наподобие провинциальных сеймов, существующих в областях горемычной Австрийской империи. В состав этого ландтага будто бы войдут: местное дворянство, представители от бюргерства, крестьян-собственников, которых, как известно, весьма немного в Балтийском крае, и он будет призван к участию в управлении всеми делами объединенного таким образом края.

Результат подобного нововведения нетрудно предвидеть. Элементы, наиболее враждебные России, объединятся и получат организацию. Объединившись, они будут способствовать окончательному отделению от России ее законного достоинства: масса крестьянства, лишенная права в представительстве, будет отдана в безусловное распоряжение классов, усиленных новой реформой ландтага. Отсюда до превращения “Балтики” в новую Финляндию — один шаг.

Кто же, однако, дал право губернским ландтагам говорить о делах, касающихся не только целого края, но и его отношений к России? Кто дал право ничтожной горстке населения говорить именем всего народа, населяющего этот край? Мы многого ожидали от самоуверенных наших германцев, но такого шага, признаемся, не могли предвидеть (в то время, конечно). Им должно бы быть известно, чем кончилась попытка соединения Подольской губернии с конгресувкою²⁹ и как был встречен адрес дворянства этой губернии. Даже не столь вредные для нас, но все-таки противозаконные стремления вызывали неприятные последствия для виновных. Вот еще важный для нас прецедент. В 1865-м году московское дворянство составило всеподданнейшее прошение, в котором выражало желание иметь нечто вроде земского собора. Участь этого прошения и лиц, участвовавших в его составлении, известна. Затем государь император изволил категорически выразить свой взгляд на подобные стремления в рескрипте, данном на имя бывшего министра внутренних дел. Вот эти достопамятные слова: “Никому из моих верноподданных не предоставлено право предупреждать мои непрерывные о благе России попечения и предрешать вопросы о существенных основаниях ее общих государственных учреждений. Ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать передо мною ходатайства об общих нуждах и пользах государства”. Так обратилась верховная власть

к дворянству коренной, так сказать, первопрестольной русской губернии, когда оно вышло из пределов прав, предоставленных ему законом. Спрашивается, больше ли может позволить себе дворянство трех завоеванных русским оружием губерний, только потому, что оно немецкого происхождения? Дворяне-немцы больше ли имеют оснований говорить от всех сословий и преимущественно от имени крестьянского сословия... Мы бы очень бы желали услышать мнение трех прибалтийских губерний о том общем лифляндском ландтаге...

Этого мало, московское дворянство, конечно, нарушило законы страны, но нарушение это далеко не имеет такого объема, как поступок дворянства балтийского, если верить слухам о его притязаниях. Так или иначе, дурно или хорошо, но московское дворянство имело в виду пользу всей России, всего государства. Сама верховная власть не видела в его желаниях ничего, что было бы само по себе безнравственно, абсолютно вредно для нашего отечества. В прошении дворянства рескрипт осуждает не содержание его, а, так сказать, его форму, в которой усматривалось "уклонение от установленного действующими законами порядка". В чем же состояло это уклонение? На это отвечают многозначительные слова рескрипта. "Право начинания, по главным частям постоянного совершенствования государственного устройства, — говорится в рескрипте, — принадлежит исключительно Мне и неразрывно сопряжено с самодержавною властью, Богом мне вверенною". Далее рескрипт указывает, как мы видели, что одно сословие не имеет права говорить именем других и ходатайствовать об общих пользах государства. Стало быть, дворянство вошло в обсуждение неподлежащих ему дел и присвоило себе право почина по общегосударственным вопросам. Это поступок, составляющий очень крупное полицейское правонарушение, но не могущий подойти под понятие государственной измены или другого преступления, подлежащего верховному уголовному суду. Дворянство не нарушило общих обязанностей верноподданных. Оно не покушалось ни на целостность государства, ни на достоинство короны. Оно стояло, верно или неверно, — но только на почве государственных усовершенствований. Поэтому было полное нравственное основание после слов необходимого порицания закончить рескрипт следующими словами: "Я твердо уверен, что не буду встречать впредь таких затруднений со стороны русского дворянства, вековые заслуги которого перед престолом и отечеством Мне всегда памятны и к которому Мое доверие всегда было и ныне пребывает непоколебимым". И можно ли не доверять? Не русское ли дворянство подчинилось безропотно всем жертвам, вызванным крестьянской реформой? Не оно ли теперь, в значительном числе, заботливо старается, вместе с другими сословиями, об успехе современных реформ? Оно с негодованием смотрит, как русские законы и высочайшие повеления обходятся в некоторых наших окраинах, как попираются, нередко нашими собственными руками, законнейшие права России, и если (чего Боже храни) дело дойдет до нового вооруженного столкновения, оно сумеет умереть или победить.

То ли мы видим в попытке балтийского дворянства — если, повторяем, слухи о ней справедливы? Нет, здесь речь идет не об улучшении быта России, которой оно чуждо, не о дальнейшем развитии наших реформ, которых оно боится, а об окончательном отделении трех наших губерний от государственного организма.

Опираясь на крючкотворное толкование каких-то затхлых привилегий, оно считает себя вправе говорить не как подданные, а как страна, имеющая быть особым государством. Оно одинаково посягает на целостность России и на достоинство короны...

Один слух о подобном покушении до такой степени возмутителен, что молчать о нем невозможно. Мы живем в такое время, когда благодаря великодушию монарха голос свободного русского человека может раздаваться громко и иметь некоторое значение. Голос Карамзина в польском вопросе перевесил “многих своекорыстных” шептунов. Вот что говорил Карамзин императору Александру I-му. До какой степени мы ушли вперед, благодаря царствующему государю императору Александру II-му, доказывается уже тем, что знаменитая записка Карамзина, составляющая прежде величайшую тайну, теперь напечатана, с дозволения цензуры, в прекрасном труде г. Гогеля ‘Иосафат Огрызко’. Оттуда мы и заимствуем ее:

“Можете ли Вы с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Вольшь, Подолию, утвержденные в собственность России еще до Вашего царствования? Не клянуся ли государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россией, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали Великою. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнее, если бы вздумали загладить мнимую ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом — вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все государства составлены завоеваниями. Екатерина отвечает Богу, отвечает истории за свое дело, но оно сделано и для Вас уже свято: для нас Польша есть законное российское владение. Старых крепостей нет в политике, иначе мы должны были восстановить и Казанское и Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. (Карамзин мог бы прибавить и Ливонский орден). К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Вольшья, Подолия, вместе с Галицией, были некогда коренным достоянием России (ни дать ни взять, как и наши балтийские окраины. Ведь Дерпт — наш Юрьев). Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Смоленска, и Чернигова, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве; или все, или ничего. Досель нашим государственным правом было: «Ни пяди ни другу, ни врагу»”.

Душевно желаем, чтобы слухи о попытках балтийского дворянства оказались ложными, и уверены, что если эта попытка действительно существует, то ее ждет полная неудача».

Автор этой статьи, видимо, еще не читал самого адреса, потому что в нем не говорится вовсе о соединении трех ландратов; тем замечательнее слова его как выражающие порыв негодования при первом известии. Вероятно, «Московские ведомости» тоже поднимут вопль, а в иностранных газетах скоро будет напечатан самый адрес.

Вчера хоронили Дмитрия Гавриловича Бибикова, бывшего министра внутренних дел. Он со времени своей отставки, в начале царствования, жил в Петербурге совершенно вне всяких дел. Государь не был ни на панихиде, ни на погребении. Известно, что все нерасположение его к Бибикову происходило оттого, что Бибиков при покойном государе был киевским генерал-губернатором и там вводил инвентари, следовательно, был как бы предтечею эмансипации. Последствия оправдали также принятую им систему противодействий польской пропаганде в Юго-Западном крае. Государь, вступив на престол, застал Бибикова министром внутренних дел и показал ему явное недоверие, вслед-

ствие чего он сейчас же вышел в полную отставку. Удивительно, как впоследствии государь, сам сделавшись эмансипатором и укротителем поляков, не выказал никакого сочувствия Бибикову. Я знал Бибикова, когда он был министром внутренних дел, но не был с ним близок. В прошедшем году он выразил желание меня видеть, я посетил его, и он наговорил мне много лестного о моей деятельности по таможенной части, за которой он следил со вниманием, так как он был некогда директором Департамента внешней торговли, и, действительно, время его управления Таможенным ведомством составляет эпоху. Все, что заведено было хорошего, — начато им, он ясно видел вещи, все хорошо понимал и удивил меня живостью своих впечатлений. После моего с ним свидания я получил от него весьма любезное и лестное для меня письмо. Бибиков принадлежал к числу тех крепких и цельных натур, которых теперь решительно нет более между правительственными лицами. Зато ни одно из сих правительственных лиц и не почтило его отдачею последнего долга.

2-го марта. Сегодня совершилась важная перемена в моей служебной карьере. Прибыв в обычный час в департамент, я нашел в швейцарской записочку от министра государственных имуществ — Зеленого, приглашавшего приехать к нему в 2 часа дня для объяснений по весьма важному делу. В назначенный час отправился я к Зеленому, и он встретил меня следующими словами: «Я получил от А. О. Россет — моего товарища — письмо из Москвы, в котором он решительно и окончательно объявляет, что, по совершенно расстроенному здоровью, не в силах больше занимать должность товарища министра, теперь я бью Вам челом и убедительно прошу Вас принять это место». Это неожиданное предложение очень меня озадачило, хотя я давно мечтал о том, как бы освободиться от хлопотливой и деятельной директорской службы, однако трудно мне было решиться сразу бросить внезапно ведомство, с которым слился и которое полюбил. На просьбу мою дать мне время переговорить с министром финансов Зеленый объявил, что он уже говорил с Рейтерном, получил его согласие и даже уже доложил обо всем государю, который, со своей стороны, изъявил свое согласие и приказал прислать ему проект указа о моем назначении для подписания, так что все дело остановилось только за мною. При этом Зеленый сказал, что Рейтерн отрекомендовал ему меня самым лестным образом и просил передать государю, что Министерство финансов лишается во мне одного из лучших своих деятелей, которого заменить будет очень трудно. Действительно, при моем свидании с Рейтерном он показал мне столько неподдельного участия, что я был глубоко этим тронут. Зеленый настаивал на том, чтобы указ был подписан государем не позже завтрашнего дня, ибо он опасается интриг Шувалова, которому мое назначение будет очень не по сердцу. Сам Зеленый серьезно болен и должен в весьма непродолжительном времени ехать за границу, где останется до глубокой осени, а потому мне придется вскоре вступить в управление министерством. Обстоятельства, при которых я вступаю в новую должность, показались мне столь благоприятными, что я, перекрестясь, решился принять предложение Зеленого, и завтра утром указ о моем назначении будет послан государю на подпись. Никто в городе, кроме обоих министров, не знает о моем назначении.

1870 год

3-го марта. Никак я не думал, что мне так тяжело и грустно будет расставаться с Таможенным ведомством. Когда сегодня утром я пришел в департамент и вспомнил, что, быть может, сегодня последний день моего директорства, то взволнован был до слез. Семь лет я тут работал, и не без успеха, очень полюбил дело и людей, со мной работающих. Я уверен, что очень многие будут искренне меня сожалеть. На мое место будет, вероятно, назначен архангельский губернатор Качалов, которому министр сделал уже предложение. Он явился сегодня ко мне в департамент, очень взволнованный сделанным ему предложением, и просил моего совета — принять ли ему это место или нет. Я очень его уговаривал принять, потому что мне показался Качалов весьма порядочным и умным человеком, я его мало знаю, но слышал о нем много хорошего, его очень полюбил наследник, познакомившийся с ним в комиссии по случаю голода в 1868-м году, где он был членом от Новгородского земства. Мне кажется, Качалов дела не испортит и будет хорошим начальником. Очень бы хотелось передать управление Таможенным ведомством в хорошие руки, чтобы то добро, которое посеяно, не пропало бы бесследно. Только в 8 часов вечера получил я от Зеленого записочку, извещавшую меня о том, что указ о моем назначении подписан. По получении ее я отправился объявить об этом Рейтерну, который пригласил меня поехать вместе с ним к государю в пятницу — в день его доклада. С Зеленым я условился, что вступлю в должность недели через полторы, а до того времени буду заниматься в Таможенном департаменте. Завтра, вероятно, все узнают о моем назначении, и в департаменте будет немалая суета.

4-го марта. Качалов, на котором министр остановил свой выбор для замещения моей вакансии директора, отказался немедленно принять это назначение, хотя оно его и устраивало, но он находил необходимым прежде вернуться в Архангельск и там покончить некоторые начатые дела, так что прежде будущей осени он не может дать решительного ответа. Поэтому мы условились с министром финансов так, чтобы составить доклад государю, в котором изобразить всю трудность немедленного назначения на мое место нового, не знакомого с таможенной службой, человека и засим просить не торопиться с новым назначением, а иметь в виду Качалова, а до того времени поручить управление департаментом вице-директору Тернеру под моим высшим надзором. Я пойду представляться государю послезавтра вместе с министром финансов, у которого в этот день доклад, — он, кажется, собирается сделать обо мне особенно лестную аттестацию и просит мне денежную награду, ссылаясь на значительное приращение дохода. По справке оказывается, что во время моего управления таможенные доходы увеличились с лишком на 12 миллионов рублей. В городе назначение мое сделалось известным. В департаменте сегодня все чиновники ходили, как шальные, — они действительно имеют основание меня сожалеть и тревожиться неизвестностью их будущего положения. В обществе все убеждены, что мое назначение есть доказательство справедливости давно ходящих слухов о преобразовании Министерства государственных имуществ в Министерство торговли и хозяйства. Кроме того, моему назначению придают значение политическое, в том смыс-

ле, что принадлежу к партии, враждебной Шувалову и К°. Великий князь Константин Николаевич радуется моему назначению в этом последнем смысле, ибо уверен, что во всех комитетах, где я буду заменять Зеленого, я буду скорее на стороне его, чем его противников. В газетах тоже уже напечатано известие о моем назначении, только как слух.

6-го марта. Сегодня утром, в 10 часов, я отправился вместе с Рейтерном в Зимний дворец. По выходе из кабинета государя Рейтерн сказал мне, что государь сейчас примет, и предупредил меня, чтобы я благодарил государя за пожалованные мне 20 тысяч рублей. Действительно, меня сейчас же позвали к государю, который в весьма милостивых выражениях объявил мне о моем назначении, а также благодарил за службу. Приказав мне сесть, он сказал мне, что по просьбе г. министра финансов он согласился поручить мне до времени заведование Таможенным ведомством и окончание всех начатых в этом ведомстве законодательных работ. Выразил надежду, что у меня достанет времени исполнить все эти обязанности.

Засим он сказал мне: «Теперь Министерство государственных имуществ утратило свое первоначальное значение, и моя давнишняя мысль, которую я уже несколько раз передавал Зеленому, заключается в том, чтобы в этом министерстве сосредоточить всю хозяйственную часть государства». Из этих слов я понял, что он имеет в виду нечто вроде Министерства торговли. Я отвечал ему, что мысль его совершенно верна, и что, вероятно, так как он передавал ее Зеленому, то я уже найду в министерстве подготовленные по этому вопросу работы. Затем государь перешел опять к Таможенному ведомству и сказал, что министр финансов показал ему любопытную ведомость об увеличивающихся в мое управление доходов. Я заметил, что, действительно, эти доходы увеличились значительно, и что это есть доказательство и результат развития общего благосостояния государства, и что этому содействовали все произведенные реформы, что факты эти весьма занимательны и утешительны. В этом смысле я сказал еще несколько слов, желая произвести обратное впечатление, против тех алармистов, которые представляют ему все в темном виде. Засим государь встал, дал мне еще раз руку и очень милостиво благодарил за прежнюю службу.

От государя я пошел к императрице, которая меня сейчас же приняла и беседовала со мной довольно долго. Хотя я неоднократно имел доказательства ее доброго ко мне расположения, но в этот раз я особенно был удивлен ее вниманием. Она начала с того, что поздравила меня с новым назначением, но при этом пожалела, что вступаю в министерство, утратившее отчасти всю важность, и дала понять, что она желала бы меня видеть в другой деятельности. Засим она похвалила мою деятельность в Таможенном ведомстве и, когда коснулась об увеличении дохода, то сама начала подробно распространяться о том, как многие стараются умышленно скрывать утешительные явления и проч... Из слов ее я мог понять, что она отнюдь не сочувствует г. Шувалову и К°, а напротив, рада моему назначению, также и потому, что я не принадлежу к их лагерю. При этом она выразила мысль, что покойный государь Николай Павлович имел замечательно верный и точный взгляд почти на все вопросы, и в особенности на

вопросы национальные, но что он постоянно находил в лицах, его окружающих, пассивное сопротивление при исполнении всех его предначертаний, так, например: он постоянно мечтал об освобождении крестьян и ничего не смог сделать; он постоянно желал ввести правильный контроль и никогда не мог побороть противодействия исполнителей. При этом она замечательно высказала свое убеждение о пользе и необходимости действительного контроля, видимо, понимая все его государственное значение. Я заметил ей, что государь Николай Павлович, кроме противодействия лиц, его окружавших, останавливался также несчастным страхом революции. Что несчастное 14-е декабря оставило на всем его царствовании заметные следы. Он часто смешивал реформу с революцией, и при первом сопротивлении или замешательстве, вызванном затеянной им реформой, он останавливался, боясь каких-либо смут. Согласясь с этим, императрица все-таки приписывала всю вину скрытому противодействию окружающих Николая Павловича лиц. Общий характер ее разговора мне был очень приятен тем, что мне показалось, будто она искреннее радуется моему вступлению на более обширное поприще. Вообще я не могу не радоваться и не благодарить Бога за то общее впечатление, которое производит мое назначение. Во-первых, все уверены, что я непременно буду министром торговли. Я забыл сказать, что императрица также очень сильно настаивала и доказывала в разговоре со мной о необходимости этого министерства, так что, видно, мысль о Министерстве торговли довольно созрела. Во-вторых, кажется, никто не осуждает моего назначения, как незаслуженного или как результат интриги. Впрочем, быть может, все это только так мне кажется. По совести же, я могу сказать себе, что я не интриговал и, в особенности в последнее время, был совершенно убежден, что карьера моя кончена и что мне следует только стараться устроить свое положение для спокойной жизни для старости лет, попав в Государственный совет. Но видно, Богу угодно вызвать меня к новой деятельности. В «Московских ведомостях» вчера объявлено было мое назначение как слух а сегодня уже появилось фальшивое телеграфическое известие о том, что будто бы я вступаю в управление министерством.

10-го марта. Только сегодня появился в «Сенатских ведомостях» указ о моем назначении. Вместе с тем напечатано опровержение известия о вступлении будто бы моем в управление министерством по случаю отъезда Зеленого. Вообще слухи об образовании Министерства торговли так распространены, что мое назначение возбуждает большие толки.

Сегодня я в первый раз был в Министерстве государственных имуществ и принимал там чиновников, которые, кажется, относятся ко мне сочувственно. Разговорами и чтением начинаю знакомиться с делом. Вот уже третий раз приходится мне приниматься за дело, которое совершенно для меня новое. Много нужно труда, чтобы войти в него настолько, чтобы получить нужный для начальника авторитет.

Сегодня я в первый раз был в Государственном совете вместо министра, который, по болезни, не мог быть. Дел особенно важных не было, и не было повода мне участвовать в прениях. После заседания Государственного совета было заседание Главного комитета. Рассматривалось дело об устройстве обще-

ственного управления в Войске Донском, серьезных прений не было. Вечером я был у Владимира Мещерского, у которого по понедельникам бывает наследник-цесаревич, и для него приглашаются разные собеседники. Я уже несколько раз был на подобных беседах. Для юного цесаревича это может быть не без пользы, иногда разговоры бывают очень оживленны и откровенны. Наследник принимает в них живое участие.

Общее впечатление, произведенное им на меня, следующее: очень еще юн и незрел, о вещах имеет поверхностное понятие, но не лишен здравого смысла, способен принять впечатление и упорно сохранить его. К умственному труду непривычен, одарен памятью и, кажется, характером, даже, быть может, упрям... Что из него выйдет, никак нельзя сказать. Дальнейшее его развитие будет зависеть от обстоятельств и людей, его окружающих.

Симпатии весьма национальные, даже до исключительности, много в этом отношении хороших задатков, дай Бог, чтобы они разумно и правильно развились.

18-го марта. В газетах продолжают появляться толки по поводу выдуманного краковскою газетою известия о моем аресте. В «Биржевых ведомостях» и в «Московских ведомостях» напечатано следующее: «Телеграммы известили нас, что австрийский посланник — граф Хотек — передал своему правительству выражение неудовольствия русских правительственных сфер по поводу намеренного извращения австрийскою печатью сообщаемых ею известий о России. По словам “Tages Presse” поводом к этому заявлению послужило первоначально сообщенное “Краковским курьером” ложное известие об арестовании на русской границе директора Таможенного департамента князя Оболенского. Заявлению графа Хотека не придано формы ноты».

«Liberté» пишет:

«Le Directeur general des Douanes Prince Obolensky, le meme que les journaux polonaise ont fait arreter comme conspirateur vient d’etre nomme adjoint au minister des Domaines. C’est la meilleure reponse aux mensonges systematiques, debites par la presse polonaise»*.

«Московские ведомости» пишут:

«Изогвавшаяся в конец австро-венгерско-польская печать слишком бы уже много выиграла, если бы русское правительство действительно обратило бы внимание австрийского посланника на ее вымыслы и сказки. Достаточно с нее и того, что русская печать приводит в качестве курьезов австро-польско-венгерской прессы, и далеко не все. Мы на днях выразили решительное сомнение к известию о посылке графом Хотеком депеши к графу Бейсту, в которой австрийский посланник будто бы передал недовольство русского правительства пове-

* Директор Таможенного департамента князь Оболенский, которого польская газета объявила арестованным как заговорщика, только что назначен товарищем министра государственных имуществ. Это лучший ответ на постоянную ложь, распространяемую польскою прессой.

дением австрийской печати. Наше сомнение совершенно оправдалось. По словам одной венской газеты, австрийский посланник при русском дворе в своем отчете графу Бейсту, а не в особенной депеше, сам, без всякого приглашения нашего правительства, жаловался, что австрийские газеты помещают на своих столбцах известия о России, совершенно противоречащие истине. При этом граф Хотек прежде всего указал на газету «Курьер краковский», которая пустила в ход известие, повторенное потом многими другими, не только австрийскими, но и прусскими, французскими и английскими газетами, об аресте князя Оболенского в Варшаве, известие, оказавшееся грубейшей выдумкой. Граф Хотек прибавляет, что подобные сообщения австро-венгерской прессы о России сильно затрудняют ему исполнение его задачи в Петербурге.

От души сочувствуем неловкому положению нашего соплеменника — чешского графа, потому что, во всяком случае, даже помимо трудности исполнения посланнической задачи, положение австрийского представителя у нас, при таком бестактном поведении австрийской печати относительно России в высшей степени щекотливое. Его жалобы на язвительность и бестактность австрийских газет не вразумят их».

Действительный австрийский поверенный в делах — граф Хотек — сказал мне, что он так возмущен был гнусным известием «Краковских ведомостей», что решился обратить внимание своего правительства, что подобные выходки против лиц, с которыми он находится в частных и весьма приятных отношениях, могут вредить успеху дел. Я успокоил Хотека, объявив ему, что я не только нимало не оскорблен известием краковского издания, но что мне, напротив, приятно знать, что краковские контрабандисты и повстанцы ко мне не благоволят.

28-го марта. На днях, а именно 19-го марта, я назначен сенатором, присутствующим во 2-м Общем собрании по всем делам, а в 1-м Общем собрании — по делам, до Министерства государственных имуществ касающимся. Я также на днях в первый раз, за отсутствием Зеленого по болезни, присутствовал в Комитете министров и в Западном комитете. В сем последнем рассматривалось серьезное дело по вопросу о праве на недра земли в Царстве Польском, я в суждениях принимал участие. Очень я теперь занят, хочется скорее ознакомиться с делами министерства. Много читаю, с некоторыми вопросами довольно близко ознакомился, но в общем очень мало сведущ.

17-го апреля. Так как первый день Пасхи приходится в нынешнем году на 12-е число — канун смерти покойного наследника³⁰, то выхода к заутрене в нынешнем году не было, это, сколько мне помнится, в первый раз, что во дворце не было съезда к заутрене. Уже в прошедшем году царь не христосовался по обычаю, ибо был в этот день не совсем здоров, хотя присутствовал при заутрене. Вероятно, этот знаменательный обычай мало-помалу будет отменен. Сегодня день рождения государя, но назначенный выход также был отложен по случаю опасной болезни второго сына наследника (грудного ребенка)³¹. К сегодняшнему дню ждали разных служебных новостей, но, кажется, кроме обычных наград, ничего особенного нет.

2-го августа. Едва прошло три месяца, как в последний раз я написал в этой тетради, а сколько с тех пор совершилось событий, не говоря уже о наших домашних делах. Война Пруссии с Францией в полном разгаре, и победоносное прусское войско быстро идет вперед на французскую территорию. На днях ожидают решительного и кровопролитного генерального сражения, от которого зависит будет будущая судьба Франции. Кажется, еще не было в истории примера, чтобы в такое короткое время сильная воинственная держава, столь уверенная в своей непобедимости, начавшая внезапно, почти без предварительных переговоров, войну, была так скоро поставлена в самое критическое и опасное положение. Достаточно было пруссакам одержать две победы над частью французской армии и вторгнуться внутрь края, чтобы ошеломить всю Францию, возбудить в Париже серьезные беспорядки, поднять вопросы династии, одним словом — произвести такую неурядицу, что едва ли Наполеон будет в состоянии удержаться на престоле, даже и в том случае, ежели войско его одержит победу. Мы, благодаря Богу, сохраняем строгий нейтралитет, хотя, видимо, сочувствие государя на стороне Пруссии. Ежели смотреть только на повод, послуживший к началу войны, то, конечно, нельзя не признать, что французы слишком явно и нахально возбудили кровопролитие, которое будет ужасно. Политика Бисмарка, конечно, должна была, рано или поздно, произвести европейскую войну, но французы распорядились так, что нельзя не признать их виновниками начавшейся резни.

Для нас же успех немцев грозит в будущем большими опасностями, потому в особенности, что в политике нашей личные симпатии и родственные чувства играют слишком большую роль. С другой стороны, и Франция так постоянно относилась к нам враждебно, что и ей успехов желать не можем мы. Уже одно то обстоятельство, что вся польская партия³² сочувствует Франции и желает ей успеха, показывает, что польза для нас от этого успеха сомнительна. Наполеон должен горько раскаиваться, что вместо союза с нами он постоянно враждовал против России. Ежели со временем французское правительство будет мудрее и нам пошлет Бог людей, для которых интересы национальной политики будут преобладать над всеми прочими интересами, тогда союз с Францией будет возможен, а при этом союзе и Германия нам не будет страшна. Наступают опять крайне интересные и, может быть, тяжелые времена. Дай Бог нам сохранить нейтралитет. Чужая беда может быть нам в пользу.

В начале мая, по случаю отъезда Зеленого, я вступил в управление министерством. Первое время частые заседания Государственного совета, Комитета министров, Главного и Польского комитетов, а также Сената отнимали у меня много времени и я был очень занят. В Государственном совете я говорил три раза. Первый мой дебют был довольно удачен, я говорил по спорному гражданскому делу Никитина с наследниками Любомирского, я говорил против мнения министра юстиции графа Палена и возражал также бывшему министру юстиции графу Панину — со мной согласилось огромное большинство, и государь утвердил потом мнение большинства. Судьба привела меня впервые слышать там бывшего министра юстиции графа Панина, под начальством которого я начал службу и продолжал ее с лишком 12 лет, и голос этот я слышал в первый раз,

чтобы с успехом возражать ему. Другой раз я говорил также по гражданскому делу против единогласного мнения Государственного совета, и со мною согласились все единогласно. Третий раз, по таможенному делу о представлении канцелярским чиновникам прав службы, я говорил против единогласного мнения Департамента экономии и министра финансов, и тоже со мною согласились единогласно. Этим началом я, кажется, поставил себя в выгодное положение перед Государственным советом.

Несмотря на этот успех, мнение мое относительно этого учреждения не изменилось. Ни одно дело там серьезно не рассматривается и рассматриваться не может. В дела министерства я уже вошел настолько, что имею общее понятие о них. Лесная часть, на мой взгляд, находится в самом неустроенном положении, заняться ею совершенно необходимо во всех отношениях. Главный недостаток заключается в самом учреждении. Улучшение личного состава ничего не поможет, сами основания администрации, кажется, неверны. Учебные заведения тоже, мне кажется, не имеют разумного направления и практической пользы. Все прочие части идут недурно и скоро будут подлежать упразднению. Личный состав министерства очень хорош. Чувствую, что к преобразованию лесной части невозможно приступить, не изучив ее весьма тщательно и подробно. Надо узнать ее так близко, как я узнал таможенную часть, но на это нужно много труда и свободного времени для изучения дела на месте. Чувствую также, что старею, потому что нет уже прежней энергии и охоты для усиленной и скучной на первое время работы. В начале мая государь уехал в Эмс, а потому я личных докладов не имел, но посылал доклады письменные, текущие же бумаги докладывались здесь наследнику, который просил приезжать к нему лично только по делам экстренным или требующим особых объяснений, а так как таковых у меня не было, то я ни разу у него с личными докладами не был.

По возвращении государя из Эмса я ездю к нему с докладами по понедельникам. До сих пор я имел три доклада. Все они сошли благополучно — никаких особых объяснений не имел, и доклады были очень коротки. В последний раз я нашел государя в особенно хорошем расположении духа, что приписываю полученным за два дня известиям о прусских победах. Я был у государя в этот день вместе с Горчаковым, который только накануне вернулся из-за границы и отсутствие которого в такое важное в политическом отношении время казалось всем не только странным, но и неприличным. Объявление войны застало его за границей. Он не хотел возвращаться, ожидая вызова, а государь, вероятно, не хотел его вызывать, чтобы он не подумал, что без него не могут обойтись. И, таким образом, время проходило, а между тем государь должен был лично вести все переговоры с посланниками, и в особенности с прусскими, которые живьем живут в Петербурге. Эти частые интимные разговоры были крайне неудобны и даже опасны тем, что, по принятому теперь обычаю, все дипломатические ноты печатаются всеми конституционными державами в разных желтых, синих, красных и проч. книгах и каждому разговору могли придать неподобающее значение. Государь, наконец, решился вызвать Горчакова, но при этом не желал, чтобы было известно, что он его вызывает. Горчаков, кажется, был доволен приемом государя, жалуется на старость и недуги, ко мне по-прежнему

очень любезен. Он живет в Петергофе, и моя квартира в Петергофе рядом с его комнатами, так что, когда я бываю в Петергофе, мы часто видимся.

22-го июля в Петергофе выход, обед и вечер, большая иллюминация с фейерверком, на другой день большой бал, а 27-го маленький бал на ферме, куда была звана одна Вавочка, без меня. К Вавочке все цари очень любезны.

12-го августа. Вчера я был с докладом в Петергофе. После доклада, при котором ничего замечательного не происходило, государь прочел мне полученную им депешу, из которой видно, что французы после дела 6-го (18-го) августа совершенно заперты в Меце и не имеют больше сообщения с Парижем. Вероятно, пруссаки, обложив теперь частью войска, пойдут прямо на Париж. Государь, видимо, радуется успеху прусского оружия, в нем, кроме врожденной кровной симпатии, видна тоже уверенность, что с пруссаками он будет ладить, ибо не опасается с их стороны каких-либо враждебных к нам отношений. Также, я думаю, он не без удовольствия смотрит на кару, постигшую Наполеона, отцу его и ему наделавшего столько неприятностей. Действительно, положение этого загадочного баловня судьбы ужасно. Если бы злейшему врагу его было поручено придумать жесточайшую казнь, то, конечно, он не мог бы придумать ничего, даже близко подходящего к тем нравственным и физическим мукам, через которые он уже проходит и еще будет проходить. Теперь самое трагическое в его положении — это молчание о нем не только в правительственных и высших сферах, но даже и в прессе, о нем даже никто не справляется, где он, точно его уже нет на свете. Императрица Евгения от имени его подписывает еще кое-какие декреты, но это только одна пустая форма. В сущности, империи и императрицы уже во Франции нет, что будет — одному Богу известно... После доклада государь пригласил меня обедать. Кроме меня, еще обедали князь Горчаков, Милютин и Урусов. За обедом тоже речь зашла о том, что будет во Франции. Говорили о временном правительстве. Государь заметил, что Тьер, вероятно, будет играть в этом правительстве важную роль. А потом, вероятно, будут царствовать Орлеанские. Я заметил, что прежде, вероятно, будут главенствовать Рошфор с Кавеньяком — государь того же мнения. Разумеется, теперь невозможны еще какие-нибудь попытки нейтральных держав к примирению. Но после такой ожесточенной и кровавой войны мудрено предположить, чтобы последствия были несоразмерны с жертвами; не думаю, чтобы кончилось дело каким-нибудь частным территориальным приобретением одной стороны в ущерб другой, или исправлением <и> изменением каких-либо существующих трактатов.

Война кажется событием мировым, она приготовлялась таким рядом безвыходных недоразумений и неразрешимых вопросов, что обратиться к прежнему порядку вещей будет невозможно. К тому же Франция оказалась такой несамостоятельной и в ней обнаружилось такое общественное разложение, что нельзя себе вообразить, какое правительство в ней возможно и при каких условиях и известных нам формах может восстановиться в ней порядок настолько твердый, чтобы вновь создать из нее могущественную державу. А между тем Франция есть единственная представительница романского племени, сохранившая значение в семье народов. Испания и даже Италия не имеют будущности. Заме-

чательно совпадение разложения романского племени с разложением, которому неминуемо подвергается католическая церковь после последнего собора, принявшего догмат непогрешимости папы. Германский мир с протестантизмом, видимо, идет на смену распадающемуся романизму и католичеству. Славянство с православием, в свою очередь, должно явиться примиряющим началом той крайности, в которую неминуемо впадет победоносный рационализм под знаменем торжествующей Германии. Но этого нам не видать, как ни быстро идут события. Но есть еще исход, к которому, быть может, ведут нас совершающиеся перевороты. Быть может, начало социальной революции уже настолько созрело в Европе, что возбужденная Франция употребит все свои силы для осуществления этих начал и, может быть, действительно представит миру какую-нибудь практическую форму для осуществления демократическо-социальной республики с разрешением всех экономических и социальных задач, которые давно уже сильно волнуют не только Францию, но и Англию и Германию. Тогда пример Франции будет заразителен, и всю Европу ожидает страшный кризис. Против этого кризиса, безусловно, будут все войска Бисмарка и все искусственные учреждения Англии. Славянский мир будет непричастен к этой революции, имея в самом себе и в православии все данные для разрешения волнующих весь западный мир вопросов. Конечно, судьбы Божии неисповедимы, но для чего же нибудь составил Господь эту часть мира, которая называется Россией, и готовит воочию, показывая ей всю ложь выставляемых ей для подражания образцов. Недаром же прочел я сегодня в газетах, что преосвященный Алексей отправляется на днях в Нью-Йорк и Филадельфию для освящения двух православных церквей. Все эти рассуждения записываю здесь только для памяти, чтобы иметь возможность в будущем проверить собственные впечатления. Говорить в этом смысле в обществе, разумеется, нельзя, все это скорее чувства или предчувствия, чем мысли. Я, разумеется, не могу приблизительно даже сказать, как все это может совершиться, но мне кажется, что мое предчувствие верно, а потому довольно равнодушно отношусь к частным известиям об удаче той или другой из воюющих сторон, и мне кажутся ничтожными ожидания, что мы-де можем воспользоваться настоящим случаем, чтобы уничтожить Парижский трактат и проч. ... Я, быть может, смотрю на дело слишком свысока, но зато большинство, не исключая и князя Горчакова, смотрит на него глазами слишком близорукими.

А *propos**, о Горчакове — вчера я с ним много разговаривал. Он все жалуется, что стар, что напрасно его тревожат и проч. и проч. ... Я ему сказал: «Помилуйте, князь, да Вы должны просто целый день Богу молиться. Вас Бог, видимо, особенно любит. Как, помилуйте, Вы в Ваши годы сохранили свежую и светлую голову, и при этом совершаются события, в результатах которых вы призваны будете принять непосредственное участие и извлечь из них все возможные пользы для России на грядущие времена. Кроме того, Вам представляется случай исправить и те печальные воспоминания о Вашей министерской деятельности, которые были последствием наших бедствий в Крымскую вой-

* Кстати

ну, и Вы еще жалуетесь...». Тогда он стал меня уверять, что ему тяжело не иметь помощников. «А в этом Вы сами виноваты, — отвечал я, — Вам трудно находить помощников, потому что в среде, из которой Вы выбираете, люди слишком ограничены. Чтобы быть у Вас на виду, необходимо одно условие — уметь искусно и красиво сочинять депеши на французском языке, а это искусство не только не всегда соединяется с дельностью, но в русском человеке даже бывает наоборот — кто сочиняет хорошо пустые французские фразы, тот обыкновенно пустой человек. Где же видано и в каком государстве дипломатические агенты переписываются с министерством на иностранном языке? Французский язык можно и должно употреблять для сношений с иностранными державами, а наша корреспонденция должна бы быть на русском языке, тогда бы нашли людей, и люди бы к Вам пошли такие, которые бы писали Вам дело, не стесняясь красотой изложения чуждого им языка». Это мое замечание заживо задело старика, и он стал доказывать, что он вполне бы оценил человека, который бы писал плохо по-французски, но был бы человеком умным и дельным. Но это не так, он сам плохо владеет русским языком и очень падок на французскую фразистику. Горчаков по воспитанию своему, вкусам, привычкам и сочувствиям — совершенный француз, но, надо ему отдать справедливость, что у него есть внутренний инстинкт и способность в данном случае понять и посмотреть вопрос с точки зрения более исключительной и даже национальной, но редко в нем проявляется эта способность по собственной инициативе, надо, чтобы кто-нибудь указал ему эту исключительную сторону дела. От этого он не всегда бывает последователен в своих взглядах на один и тот же предмет. Например, по польскому вопросу, в начале революции³³, он часто смотрел на вопрос, как мог смотреть любой европейский дипломат, он даже признал этот вопрос международным, в силу трактата 15-го года, но потом, под впечатлением общественного мнения, в особенности статей «Московских ведомостей», он получил и усвоил себе совершенно противоположный взгляд и выразил его с замечательным талантом в известных нотах французскому и английскому правительствам. Но вместе с тем он и до сих пор не может отказаться от предубеждений, навеянных ему складом его европеизма, поэтому, например, он никак не может понять связь, существующую между католицизмом и полонизмом, и никак не видит солидарности вражды к нам этих обоих начал. В балтийском вопросе опять то же. Но, как бы то ни было, при всех своих недостатках и смешных слабостях он стоит много выше всех наших дипломатов, и заместить его будет очень трудно.

2-го августа. Сегодня получено здесь телеграфическое известие, что французская армия, бывшая под начальством Мак-Магона, положила оружие при Седане и что сам Наполеон сдался в плен лично королю прусскому. В телеграмме сказано, что король назначит местопребывание пленному императору после свидания с ним. Итак, постыднейшее из поражений целой армии с главою государства совершилось. Более <чем>80-тысячное войско положило оружие после нескольких только попыток пробиться через неприятельскую линию. Недостало у них стойкости и мужества, чтобы по крайней мере затянуть дело

сдачи и тем обессилить прусскую армию, а Наполеон решил закончить свою блестящую карьеру самым постыдным и унижительным, не только для государя, но и для человека, способом.

9-го сентября. С неутомимой последовательностью идут пруссаки вперед, и вот уже они подошли к Парижу и окружили его со всех сторон, так что все сообщения с городом прерваны и мы не получаем газет из Парижа. Вероятно, на днях начнется бомбардирование и осада, а с этим вместе неминуемо начнется грабеж Парижа вооруженной и безначальной чернью. Положение ужасное. Между тем начинают поговаривать о мире. Сюда едет Тьер с просьбой к государю о заступничестве перед прусским королем, а сегодня получено известие, что и Жюль Фавр отправился в Главную квартиру короля для мирных переговоров. Главное затруднение заключается в том, что пруссаки, не без основания, затрудняются начинать какие-либо мирные переговоры с правительством, случайно образовавшимся и не имеющим никакого законного утверждения³⁴. В Париже сильно надеются, что Россия уговорит пруссаков заключить перемирие и начать мирные переговоры. Князь Горчаков, кажется, очень склонен к тому, чтобы признать *le gouvernement de fait** и вступить с ним в предварительные переговоры. Но государь, будучи здесь под влиянием здешних представителей Пруссии, а также по собственным своим симпатиям и влечениям склонен поддерживать прусскую политику, видимо, не хочет принять роль ходатая перед прусским королем за Францию.

На прошлой неделе государь ездил на охоту в Лисино. Так как лисинские дачи находятся в ведомстве Государственных имуществ, то я должен был встретить государя в Лисине и там присутствовать на охоте. На охоту были приглашены: великий князь Владимир Александрович, князь Рейс, прусский посланник, генерал Вердер, прусский военный агент. Оба этих лица и прежде, но в особенности теперь, почти неразлучно пребывают около государя. Кроме того, гостями были барон Ливен, Зиновьев и граф Перовский, засим Скарятин был в качестве обер-егермейстера³⁵. Охота была на куропаток, которых здесь заранее разводят и воспитывают в особо устроенном ремизе³⁶, собственно, для царской охоты. Погода благоприятствовала охоте, и царь, кажется, остался доволен, обещав приехать еще раз на куропаток. На роскошных завтраках, обедах и ужинах предмет разговоров вертелся все более около военных действий. Государь постоянно носит прусский военный орден и уже послал разным немецким принцам, участвующим в настоящей войне, Георгиевский крест, хотя, быть может, такое официальное заявление сочувствия и не совсем вяжется со строгим нейтралитетом, нами объявленным. Личное сочувствие, видимо, преобладает над всеми иными соображениями. Все это вызывало и теперь вызывает сильную реакцию, которая сосредотачивается в лице наследника, вернувшегося на днях с женою из Дании. Вдаваясь в противоположную крайность ненависти к пруссакам и страха перед их возрастающим могуществом, он, кажется, не скрывает чувств своих на внешнюю политику. Это разномыслие, конечно, никакого вли-

* правительство фактически

яния иметь не будет, но я убежден, что по отношению к Остзейскому краю государь будет, вероятно, потворствовать всяким немецким интригам, назло партии, их ненавидящей. Уже вчера я узнал, что эстляндский губернатор Галкин, единственный русский губернатор в том краю, по приказанию государя переводится в другую губернию единственно за то, что немцы им недовольны. Альбединский, кажется, тоже уходит: подал прошение об увольнении по болезни; хотя этот господин крайне неспособен занимать какое-либо серьезное место и везде и во всем уступает немцам, но и он принесен в жертву. Всем этим делом руководит граф Шувалов, из всего этого нельзя ожидать проку.

16-го сентября. Вчера я опять был на охоте в Лисине с государем. Государь утром проводил императрицу в Крым и доехал с ней до станции Тосно, а оттуда в экипаже приехал к 10.30 часов утра в Лисино, где я его встретил. Приглашенные гости были те же самые, как и в прошлый раз, к ним присоединился еще только великий князь Алексей Александрович. Охота в Лисине, по-видимому, очень веселит государя, потому что он и в этот раз был в отличном расположении духа и приказал приготовить ему еще охоту на будущей неделе. Все на охоте происходит довольно однообразно. Когда государь приезжает с вечера, то ужинает и после ужина играет партию в ералаш, а потом ложится спать и спит, как мне сказал, так хорошо и крепко, как нигде. Засим утром выходит в 10 часов утра к чаю, и потом все отправляются на охоту.

Ежели охота на куропаток, то она происходит следующим образом. В ремизе, где на пространстве 7-ми десятин готовятся с весны привезенные из Богемии куропатки, которые тут разводятся. Выходит государь, а за ним обер-егерь с ружьем, потом еще егерь с другим ружьем, потом еще служитель с ящиком для уборки дичи, потом идет обер-егермейстер и я. Собаки ищут дичь, которая взлетает, и государь ее бьет или промахивается. Все это довольно забавно, ежели погода благоприятствует, но главное, прекрасный моцион, ибо с 11-ти часов до 1 часу ходят по довольно неровному пути. Засим, в 1 час, возвращаются к завтраку, всегда чересчур роскошному, причем меня удивляет аппетит государя и великих князей. После завтрака опять, тем же порядком, начинается охота до 4-х часов. Потом час отдыха или игра в карты, а в 6 часов обед, еще роскошнее, чем завтрак. Для образца прилагаю меню вчерашнего обеда.

Смотреть на следующей странице.

После обеда игра в ералаш до 9-ти часов, а потом все садятся в экипажи и уезжают.

Ежели охота на других тварей, то она происходит в Лисине в зверинце, где бьют приготовленных лисиц, зайцев, ланей и кабанов. Все, что говорили и говорят в публике о совершаемых будто бы на охоте оргиях, все это вздор и неправда. Можно скорее удивляться, что государь не выбирает себе гостей более приятных и веселых. Вчера, после охоты и перед обедом, я имел доклад, и так как я, перед выездом моим из Петербурга в Лисино, получил уведомление, что Зеленый будет обратно из-за границы 18-го числа, то сказал государю, что по возвращении министра намерен исключительно заняться изучением вопроса о будущем преобразовании Министерства государственных имуществ, так

как я имею уже в виду его намерение сосредоточить, как он выразился, всю промышленную и хозяйственную часть империи в этом министерстве. Это намерение государь одобрил.

С театра войны нет еще решительных новостей. Париж окружен со всех сторон, переговоры Жюля Фавра с Бисмарком не привели ни к каким результатам. Сюда вчера приехал Тьер, но и его посольство, вероятно, не будет иметь никакого практического результата. Государь дал мне прочесть полученные по почте от неизвестного два письма: это письма к Жюлю Фавру, в которых доказывается, что временное правительство не имеет права входить в какие-либо переговоры, и государь одобрил все приводимые в этих письмах доводы. Из длинного моего разговора с прусским посланником — князем Рейсом — я мог понять, что пруссаки сами теперь находятся в весьма затруднительном положении, не зная, как выйти из этого положения. Ибо даже после занятия Парижа останется все-таки еще не разъясненным вопрос, с кем легально можно будет вести переговоры о мире, и притом быть уверенным, что условия договора будут обязательны: до сих пор еще сам Бисмарк, кажется, не разрешил себе этого вопроса. Теперь, как пруссаки заняты усилием овладеть Парижем, а засим будут, вероятно, сообразовываться с тем, как отнесется к этому факту вся Франция. По словам Рейса, Наполеон не отказался до сих пор от престола и очень хлопочет, чтобы пруссаки не признали бы временного правительства.

Menu:

Diner du 16 Septembre 1870. Lissino.
Hors d'oeuvres.
Potage: Crème d'Asperge Colbert
Vol-au-vents a la Reine. Tartelette a la moelle
Fruites de Gatchina au bleu
Sauces: Hollande. – Beurre frais
Selle de mouton a l'Anglaise
Jambon d'York au Malaga
Truffes fraches a la serviette
Punch au fraisier
Jeune poulets a la Russe
Laitue et Picouli
Peches a la Bourdaloue
Dessert:
Fruits frais, bonbons, conpolet diverses
Amomdes gullees, biscuit, celeries d-homages anglau
Mokka - Thijauul

19-го сентября. Вчера я обедал в Царском Селе у княгини Елизаветы Трубецкой с Тьером. Бедный старик жалок по той странной роли, которую на себя принял. Он взял от временного правительства поручение отправиться в Лондон, Петербург и Вену для личных переговоров с государственными людьми великих держав с целью склонить к признанию временного правительства Франции. Это признание, по мнению Тьера, может дать временному правительству авторитет

для переговоров с пруссаками. Но Тьер, не имея никакого понимания и не имея никаких новых доводов для поддержки своих домогательств, сам, кажется, не верит в успех своего посольства, а принял, или даже вызвал его, кажется, только единственно для того, чтобы выставить благовидный предлог своему удалению из Парижа. Как бы то ни было, но ему на старости лет бегать из одного города в другой и вымаливать сочувствие к погибающей Франции, конечно, очень тяжело, и он об этом говорит со слезами на глазах. Но при этом болтает много, сильно и, по моему мнению, преувеличенно ругает Наполеона и его правительство, сваливая на него всю вину. Он высказывает надежды на некоторые элементы, будто бы преобладающие во Франции, но вряд ли это искренно. Тьер был принят государем, который беседовал с ним довольно долго, и, так как в этой беседе государь, вероятно, весьма искренне, выражал свое сожаление о положении Франции и свою готовность помочь, то Тьер остался очень доволен этим свиданием и сказал потом Горчакову: «Que s'il avait le bonheur de servir un Souverain pareil — il n'aurait — jamais proteste contre le pouvoir personnel»*.

Конечно, говоря это, он знал, que personne ne le prendra au mot**. Говорят, он каялся Горчакову, что он ошибся, преследуя во всю свою политическую жизнь мечту близкого союза Франции и Англии и жертвуя для этого союза связями с Россией. В «Голосе» напечатана на днях дельная статья по поводу приезда Тьера и его предложений. Вот эта статья.

Газета «Голос»:

«Если единственная цель поездки Тьера в Лондон, Вену и Петербург — признание великими державами Временного французского правительства — национальной защиты, то в успехе ее едва ли можно сомневаться. Великие державы, вскоре по возглашении в Париже республики, уполномочили своих представителей во Франции войти в сношения с Временным правительством. Представители этих держав переселились потом в Тур, сделавшийся временною столицею Франции после обложения Парижа пруссаками. Но едва ли поручение, данное г. Тьеру, ограничивается одними стараниями о признании Временного правительства национальной защиты. Более чем вероятно, что знаменитый государственный человек уполномочен, сверх того, лично удостовериться, как смотрят европейские Кабинеты на условия мира, предложенные Пруссией. В этом отношении поездка Тьера едва ли оправдает ожидания, которые, быть может, еще питает Временное правительство. В Лондоне г. Тьер нашел, кажется, мало утешительного. Англия открыто держит сторону Пруссии, как и следовало ожидать. Из всех великих держав европейского материка Франция более всех была опасна для Англии, и потому поражение ее было как нельзя более приятно Сент-Джеймскому кабинету. Можно сказать наверное, что этот кабинет пальцем о палец не ударит, чтобы помешать Пруссии в присоединении Эльзаса и Лотарингии. Будущее морское могущество Пруссии, которым пугают Англию французские газеты, не заключает в себе страшного для Англии, владеющей морями. Пруссия, даже обладая Кильским и А⁶ ... портами, все-таки будет не в силах соперничать с Англией, владею-

* Если бы ему посчастливилось служить подобному монарху, он никогда бы не возражал против режима личной власти.

** что никто не заставит его сдерживать слово.

⁶ Далее неразборчиво.

щей Гельголандом, Мальтой, Перимом, Ост-Индией, Австралией. Совершенно напротив, Англия может не без основания рассчитывать найти в юном германском флоте себе помощника при вероятных европейских сочетаниях. Поэтому Англия при подписании мирного трактата между Пруссией и Францией окажется, пожалуй, более прусской, чем сама Пруссия, подобно тому как в 1856-м году Австрия оказалась более турецкой, чем сама Турция. Можно надеяться, что г. Тьер найдет в Петербурге совершенно иное настроение. Россия, чуждая узкоэгоистической политики, искренно желает восстановления европейского мира и, без сомнения, сделает все от нее зависящее, чтобы столь желанный мир не был кратковременным перемирием. Весь вопрос, следовательно, в том, что можем мы сделать в настоящую минуту, не прибегая к помощи оружия.

В этом отношении надежды г. Тьера, если он их питает, ожидают, по всей вероятности, полное разочарование. Россия в настоящем случае может ограничиться только дружескими советами Пруссии — не переходить за пределы умеренности. К несчастью, мало надежды, чтобы в Берлине вняли нашим дружеским советам, внушенным бескорыстным сочувствием к миру: недавно обнародованные циркуляры умеренного графа Бисмарка фон Шенгаузена не оставляют в этом ни малейшего сомнения. Он с чисто прусской резкостью предостерегает нейтральные державы от всякого вмешательства в прусско-французскую распрю. Остается следовательно, только одно средство — заставить Пруссию силою принять условия мира, наиболее обеспечивающие спокойствие Европы. Но вправе ли Россия отважиться на столь сильную меру? Было время, когда в Европе не делалось ни одного выстрела без нашего согласия³⁷. Это время прошло, и виною того была Франция, ищущая теперь, может быть, нашего заступничества. Сам Тьер, приехавший к нам с конфиденциальным поручением, торжественно одобрял Крымскую войну, будто бы выгодную для французских интересов. Но именно Крымская война заставила Россию отказаться от роли, которую она играла в Европе с 1815 по 1856 г. Франция более всех желала лишить Россию преобладания в Европе, и сам г. Тьер немало хлопотал о противодействии России. В министерстве Лафитта он был самым ревностным бойцом за независимость Польши. В его истории консульства и империи³⁸ антирусское направление проглядывает в каждой строке. Автор этого знаменитого панегирика Наполеону I способствовал и реставрации Наполеонидов, подав голос за президентство Луи-Наполеона, так жестоко отплатившего ему³⁹ в роковую ночь с 1-го на 2-е декабря 1851 года. Еще недавно г. Тьер, восставая в законодательном корпусе против войн второй империи, исключил Крымскую войну, бывшую — будто бы — полезной для Франции. Но мы далеки от того, чтобы ставить это в укор г. Тьеру, убеждения которого так часто менялись в продолжение его политической карьеры. Мы не забыли, что он впоследствии признал всю непрактичность заступничества за Польшу⁴⁰, которое, наделав столько зла полякам, не принесло пользы и их заступникам — французам. Мы глубоко уважаем г. Тьера за его глубокий патриотизм, за его дальновидность, которой, увы, так часто мешали шовинизм и поклонение перед обоготворенным им Наполеоном I. Г. Тьер был прежде всего французом, и притом французом — южным. Уроженец Марселя, он никогда не мог избавиться от недостатков жителей Гаскони, Лангедока и Прованса. Его жаркая южная натура часто увлекала его в излишество, и он, подобно своим землякам, плохо видел за пределами Франции, почитаемой им альфою и омегой европейской цивилизации и квинтэссенцией человечности. Но с этими недостатками были тесно связаны самые блистательные таланты. Г. Тьер редко кого убеждал своими доводами, но его огнен-

ная речь увлекала даже яростных его противников, а эта *furie française** была бы невозможна без обоготворения Франции. Принимая это в соображение, мы не имеем права считать г. Тьера врагом России. Его выходки против нас вполне объясняются столь свойственным всем французам шовинизмом и не менее свойственным им незнанием России. Г. Тьер родился в Марселе в 1797 г. Следовательно, в юные годы немало наслушался он об ужасах, совершенных фантастическими «казаками» в его прекрасной Франции, и только теперь, когда эта прекрасная Франция подверглась нашествию цивилизованных немцев, требующих раздробления Франции, он должен признать, что русские, спасшие Францию от подобной участи в 1815-м году, далеко не такие варвары, какими ему рисовало их воображение. Любя свое собственное отечество, мы умеем ценить это чувство и в других, а потому не только не ставим г. Тьеру в вину его политические увлечения, напротив, высоко ценим их в знаменитом историке и государственном человеке Франции. Г. Тьер может быть заранее уверен, что встретит в России самый радушный прием, и если он не добьется того, что заставило его предпринять путешествие на наш дальний север, это — вина не наша. Наполеоновская Франция сделала со своей стороны все, чтобы расстроить столь естественный союз с Россией. Не довольствуясь преобладанием на западе, она старалась уничтожить наше влияние на востоке. С этой целью она стала добровольно вытаскивать для Англии из огня каштаны и навязала нам тяжкие условия Парижского мира. Но, хотя Париж и иллюминировался по случаю взятия Малахова кургана, Петербург (г. Тьер может быть в этом вполне уверен) не иллюминируется, если пруссакам удастся взять Париж. Напротив, событие это, к несчастью, весьма вероятное, мы встретим с искренним сожалением, но отворотить его — не в нашей воле. Франция заставила нас временно отказаться от участия в делах Европы, и последствием этого была битва при Седане и Седанская капитуляция. Предвидя, к чему роковым образом вели усиленные вооружения последнего времени, мы должны были ясно определить нашу роль на случай катастрофы. Нам предстояло на выбор: или, подобно другим державам, стоя во всеоружии, ожидать событий, или, обратив все свои силы на внутреннее устройство нашего громадного отечества, предоставить Европе делать то, что ей угодно, до тех пор пока наши собственные интересы не будут затронуты. Мы избрали последнее, и Европа не замедлила воспользоваться нашим временным бездействием для устройства своих собственных дел без нашего участия. Последствием этого было столь неприятное г. Тьеру объединение Италии, поражение Австрии и чрезмерное усиление Пруссии. Таким образом, Франция пожинает лишь то, что сама посеяла. Но из этого все-таки не следует, что мы, увлекаемые мстительностью, радуемся такому положению дел. Нисколько. Мы искренно опечалены как страшным кровопролитием, так и поражением Франции, тем более что не видим возможности устранить эти бедствия. Франция, нанося в Крыму удары России, как теперь оказывается, поражала ими свою собственную грудь. Осада Парижа — прямое последствие севастопольской осады, и если Франция и потеряет Эльзас и Лотарингию, то и это будет последствием потери Россией Западной Бессарабии — действительно, неумолимая Немезида карает народы, творящие зло. В оправдание себе мы можем сказать, что мы не только не старались сделаться орудием мстительной богини, но даже, сколько могли, замедляли ее удары. Мы и теперь сделаем, что можем, и если, при всем желании, нам не удастся спасти Францию, то только потому, что сама Франция лишила нас возможности подать ей руку помощи в роковую минуту».

* французская горячность

1870 год

Третьего дня приехал министр А. А. Зеленый. Кажется, здоровье его поправилось, и он намерен немедленно вступить в управление министерством. Я отдаю бразды правления без всякого сожаления. В эти 4 месяца я достаточно вошел в дело, чтобы понять всю его серьезную сторону, а теперь очень желал иметь более свободного времени, чтобы заняться внимательно вопросами, требующими изучения. Что же касается обаяния власти, то могу сказать, положив руку на сердце, что оно не имеет для меня ничего заманчивого. Государь выразил Зеленому, что был доволен моими докладами, и велел мне объявить благодарность. С наступлением осени начинается обычный реакционный поход⁴¹. Шувалов, говорят, приготовил целый короб доносов для наведения страха. Тимашев преподнес государю какой-то перевод истории Испании, в которой доказывается, что самовластие погубило Испанию. Эту книгу Тимашев хотел преследовать, но прокурорский надзор доказывает всю невозможность такого преследования. Государь этим очень недоволен и, вероятно, будет требовать какого-нибудь административного взыскания.

На место Похвистнева, главноуправляющего делами печати, которого находят слишком слабым, назначают, говорят, генерала Шидловского, бывшего орловского губернатора, составившего себе репутацию энергичного реакционера. Ничего из этого не выйдет, кроме бестолковой болтовни.

4-го ноября. Громадность совершающихся событий отвлекает внимание от частных, сравнительно мелочных явлений нашей обыденной жизни. К тому же до сих пор у нас было совершенное затишье. Все с напряженным любопытством ожидали телеграфических известий с театра войны. После сдачи крепости Меца с армией в 100 тысяч человек ожидают каждый день сдачи Парижа, хотя осада затянулась и предложенное нейтральными державами перемирие отвергнуто. Не подлежит, кажется, сомнению, что Париж взят будет в непродолжительном времени, ежели не силой, то голодом. Вся русская публика, не исключая и высших правительственных лиц, как то: министров и проч., спокойно следила за страшной грозой, истребляющей целый народ, еще так недавно господствующий в политическом мире. Все думали, что явное сочувствие, которое мы оказываем пруссакам, обеспечивает нас от всякого вмешательства, так как победители не нуждаются в помощи.

Среди этого невозмутимого и ничтожного спокойствия вдруг появилась вчера в «Правительственном вестнике» следующая нота князя Горчакова.

№ 29 «Правительственный вестник»,
8-го ноября 1870-го года.

**Циркулярная депеша Государственного Канцлера
к представителям России при Дворах держав,
подписавших Парижский Трактат 18 (30) марта 1856-го года.
Царское Село, 19 октября 1870 года.**

Неоднократные нарушения, которым в последние годы подвергались договоры, считающиеся основанием европейского равновесия, поставили Император-

ский кабинет в необходимость вникнуть в их значение по отношению к политическому положению России.

В числе этих договоров к России более непосредственно относится Трактат 18 (30) марта 1856-го года.

В отдельной Конвенции между обеими прибрежными державами Черного моря, составляющей продолжение к Трактату, заключается обязательство России ограничить свои морские силы до самых малых размеров.

С другой стороны, Трактат установил основное начало нейтрализации Черного моря. Державы, подписавшие Трактат, полагали, что это начало должно было устранить всякую возможность столкновений как между прибрежными государствами, так равно и между последними и морскими державами. Оно должно было умножить число стран, пользующихся, по единогласному уговору Европы, благами нейтрализации, и, таким образом, ограждало и Россию от всякой опасности нападения. Пятнадцатилетний опыт доказал, что это начало, от которого зависит безопасность границы Российской Империи с этой стороны во всем ее протяжении, имеет лишь теоретическое значение. В самом деле: в то время как Россия разоружалась в Черном море, и даже, посредством декларации, включенной в протоколы конференций, прямодушно воспрещала самой себе принятие действительных мер морской обороны в принадлежащих ей морях и портах, Турция сохранила право содержать в архипелаге и в проливах морские силы в неограниченном размере. Франция и Англия могли по-прежнему сосредотачивать свои эскадры в Средиземном море. Сверх того, по выражению Трактата, вход в Черное море формально навсегда воспрещен военному флагу, как прибрежных, так и всех других держав. Но, в силу так называемых Конвенций о проливах, проход через эти проливы воспрещен военным флагом лишь во время мира. Из этого противоречия проистекает то, что берега Российской Империи открыты для всякого нападения, даже со стороны держав менее могущественных, если только они располагают морскими силами, против которых Россия могла бы выставить лишь несколько судов слабых размеров.

Впрочем, Трактат 18 (30) марта 1856 г. не избежал нарушений, которым подверглась большая часть европейских договоров; ввиду этих нарушений трудно было утверждать, что писанное право сохранило ту же нравственную силу, которую оно могло иметь в прежние времена.

Все видели, как княжества Молдавия и Валахия, судьба которых под ручательством великих держав была определена Трактатом и последующими протоколами, прошли через ряд переворотов, которые, будучи противны духу и букве договоров, привели их сперва к соединению, а потом к признанию иностранного принца. Эти события произошли с ведома Порты и были допущены великими державами, которые не сочли нужным заставить уважать свои приговоры.

Только один представитель России возвысил голос, чтобы указать кабинетам, что подобной терпимостью они становятся в противоречие с положительными постановлениями Трактата. Разумеется, что если бы уступки, дарованные одной из христианских народностей Востока, были последствием соглашения между Кабинетами и Портой, основанного вначале, которое могло бы быть применено ко всему христианскому населению Турции, то Императорский кабинет отнесся бы к ним с полным сочувствием, но эти уступки были лишь исключением.

Императорский кабинет не мог не быть поражен, что, таким образом, Трактат (18) 30 марта 1856-го года, спустя лишь несколько лет по заключении, мог быть безнаказанно нарушен в одном из своих существенных частей перед лицом великих держав, собранных на Парижской конференции и представлявших в своей совокупности сонм высшей власти, на который опирался мир Востока.

Это нарушение не было единственным.

Неоднократно и под разными предложениями проход через проливы был открываемым для иностранных военных судов, и в Черное море были впускаемы целые эскадры, присутствие которых было посягательством против присвоенного этим водам полного нейтралитета.

При постепенном, таким образом, ослаблении предоставленных Трактатом ручательств, в особенности же действительной нейтрализации Черного моря, — изобретение броненосных судов, неизвестных и не имевшихся в виду при заключении Трактата 1856-го года, увеличивало для России опасность в случае войны, значительно усиливая уже весьма явное неравенство относительных морских сил.

В таком положении дел государь император должен был поставить себе вопрос: какие права и какие обязанности проистекают для России из тех перемен в общем политическом положении и из этих отступлений от обязательств, которые Россия не переставала строго соблюдать, хотя они и проникнуты духом недоверия к ней.

По зрелом рассмотрении этого вопроса Его Императорское Величество изволил прийти к следующим заключениям, которые поручается Вам довести до сведения правительства, при котором Вы уполномочены.

По отношению к праву наш августейший государь не может допустить, чтобы трактаты, нарушенные во многих существенных и общих статьях своих, оставались обязательными по тем статьям, которые касаются прямых интересов его империи.

По отношению же к их применению Его Императорское Величество не может допустить, чтобы безопасность России была поставлена в зависимость от теории, не устоявшей перед опытом времени, и чтобы эта безопасность могла бы подвергаться нарушению вследствие уважения к обязательствам, которые не соблюдены во всей их целостности.

Государь император, в доверии к чувству справедливости держав, подписавших Трактат 1856-го года, и к их сознанию собственного достоинства, повелевает Вам объявить: что Его Императорское Величество не может долее считать себя связанным обязательствами Трактата (18) 30 марта 1856-го года, насколько они ограничивают Его верховные права в Черном море; что Его Императорское Величество считает Своим правом и Своею обязанностью заявить Его Величеству султану о прекращении силы отдельной и дополнительной к упомянутому Трактату Конвенции, определяющей количество и размеры военных судов, которые обе прибрежные державы предоставили себе держать в Черном море; что государь прямодушно уведомляет о том державы, подписавшие и гарантировавшие общий трактат, существенную часть которого составляет эта отдельная конвенция; что Его Императорское Величество возвращает в этом отношении Его Величеству султану права его во всей полноте, точно так же, как восстанавливает свои собственные.

При исполнении этого поручения Вы употребите старание, чтобы определить, что наш августейший монарх имеет единственно в виду безопасность и достоинство своей империи. В мысли Его Императорского Величества вовсе не входит возбуждение восточного вопроса. В этом деле, как и во всех других, он только желает сохранения и упрочения мира. Он не перестает по-прежнему признавать главные начала Трактата 1856-го года, определившие положение Турции в ряду государств Европы. Он готов вступить в соглашение с державами, подписавшими этот договор: или для подтверждения его общих постановлений, или для их возобновления, или для замены их каким-либо другим спра-

Третий том

ведливым уговором, который был бы признан способным обеспечить спокойствие Востока и европейское равновесие. Его Императорское Величество убежден в том, что это спокойствие и это равновесие приобретут еще новое ручательство, когда будут опираться на основания более справедливые и прочные, чем при том положении, которого не может принять за естественное условие своего существования ни одна великая держава.

Приглашаю Вас прочитать эту депешу и передать с нее копию г. министру иностранных дел.

(Подпись): Горчаков.

Хотя два дня перед сим ходили по городу какие-то неопределенные слухи о готовящемся будто бы с нашей стороны заявлении об уничтожении Парижского трактата, но им мало придавали веры. Поэтому понятно, как поражены были все чтением этого циркуляра. Мое первое чувство было весьма неприятное, ибо во мне преобладало сознание, что в основе затеянного дела нет строгого и верно обдуманного плана. Мне показалось, что этот циркуляр и самая решимость явно и бесцеремонно разорвать силу одного из важных пунктов Трактата как-то мало вяжутся с общим настроением и характером действия нашего правительства. К тому же мне настолько известно общее положение наших финансовых и военных дел, что я решительно и положительно убежден, что мы не готовы встретить случайность вооруженного протеста против нашего заявления. Очевидно, мы заручились не только согласием, но и обещанием поддержки со стороны Пруссии, но можно ли верить ее обещаниям?

Конечно, минута для того, чтобы в мутной воде рыбу ловить, выбрана удобная. Но стоит ли игра свеч? Мы поднимаем бурю для того, чтобы восстановить право, которым, в сущности, не только теперь, но и в близком будущем воспользоваться не в состоянии. Не только в Черном море у нас нет никаких морских сил, но и те, которые там были и которые мы по Трактату иметь имели право, мы еще недавно, в видах экономии, уничтожили окончательно. Теперь же, при постоянном дефиците в бюджете, надеяться скоро создать не только флот, но какую-нибудь силу будет невозможно и во всяком случае крайне разорительно для государства. К тому же мне известно, что в течение еще нынешнего года нам нужно будет за границей реализовать значительное количество наших железнодорожных облигаций, что делается невозможным, ежели миру будет угрожать опасность. Одним словом, мне кажется, что только полная, ни малейшему сомнению не подверженная у в е р е н н о с т ь, что заявление наше не возбудит не только войны, но и вооружения, только такая уверенность может оправдать внезапный вызов наш. Не знаю, на чем основана эта уверенность. По справке оказалось, что на прошлой неделе был у государя в Царском Селе Совет министров⁴², на этом Совете государь объявил министрам о своем намерении, причем прочтена была нота Горчакова. Н и о д и н министр не был заранее предварен о предметах суждения, никто не был приготовлен к обсуждению столь важного вопроса, понятно, что все возражения были крайне слабы. Едва можно поверить, что государь решился на такой решительный шаг, не поговорив предварительно ни с министром финансов, ни с министром военным. Все это потому, что в понятии его, говорят — также и Горчакова, войны

быть не может и все кончится дипломатическими переговорами. Дай Бог, чтобы он был прав... Мы живем в какие-то библейские времена, так внезапно и неожиданно совершаются события и так, почти случайно, возникают величайшей важности вопросы, что невольно недоумеваем... Нет сомнения, что восточный, а с ним и славянский вопрос рано или поздно возникнут, но к ним надо приготовиться не только материальными вооружениями, но общей внутренней и внешней политикой. Думать же приступать к восточному вопросу в дружбе с Бленкером и Пруссией и стать во главе славянского мира, враждуя и опасаясь национального элемента, преследуя в России русскую партию, — это такое ослепление, которого понять нельзя. Тут поистине что-то библейское.

8-го ноября. Все державы, подписавшие Парижский трактат, как и следовало ожидать, протестуют против нашего заявления. Кроме, разумеется, Франции, которой теперь не до трактата и которая в восторге, что мы заварили кашу, из которой может выйти для нее доброе. Пруссия, хотя не протестует, но, говорят, выразила сожаление, что не вовремя мы возбудили вопрос и не в надлежащей форме. Оказывается, что мы даже не заручились формальным и точным одобрением и поддержкой Пруссии. Этого я уже никак не ожидал. Петербургские журналы, под внушением начальства, выражают восторг и вполне одобряют решимость правительства. «Московские ведомости», как я и ожидал, очень сухо отзываются о циркуляре, утверждая, что Россия вправе не считать трактат обязательным, выражают сомнение в пользе возбуждения этого вопроса именно теперь. Катков, видимо, не доверяет Пруссии и думает, что Бисмарк подбил нас на эту штуку. Он также не видит большой последовательности в наших действиях, ибо до сих пор мы не только не готовили ничего в Черном море, но и уничтожили все, что было. Сегодняшнюю статью он кончает заявлением одного факта, действительно весьма верно выражающего всю непоследовательность наших действий. Вот что он говорит:

«Московские ведомости», № 30.

«Кстати, для успокоения умов в Европе, непритворно встревоженных принимаемой Россией политикой, мы можем указать на один факт, свидетельствующий о нежелании ее пользоваться даже теми следствиями влияния на Востоке, против которых не было и не может быть возражений. Средства эти небольшие. Есть у нас комитеты, воспитывающие десятка два-три единоверных им детей из европейской Турции и посылающие в тамошние школы по несколько томов в год с книгами, собираемыми посредством пожертвований. Проникали туда и русские газеты в самом ограниченном числе. Вообще, дела умственного и нравственного общения России с турецкими славянами подвигались весьма туго, но теперь и этому делу, столь безупречному и скромному, положено препятствие. Почти в одни дни с циркулярною депешей кн. Горчакова почтовым ведомством сделано распоряжение, повышающее таксу на пересылку русских газет в Турцию и Грецию и притом назначаящее за пересылку газет в Турцию ту самую таксу, как в Грецию, когда Греция лежит дальше от России. Такса и прежде того высокая — возвышена разом вчетверо, так что почтовую пересылку газет в эти страны можно считать фактически воспрещенною. Мера эта принята с большой строгостью, ибо распространяется даже на газеты нынешнего года, коим подписная цена была на-

значена ввиду прежней таксы, и, как оказывается, русское почтовое ведомство действовало в этом случае без всякого повода со стороны Турции или Австрии, которые своих такс не изменяли».

Действительно, англичанам нечего бояться нашего чрезмерного влияния на Востоке, пока будет такой ералаш. Я виделся на днях почти со всеми министрами и с удивлением узнал, что почти все они разделяют мои опасения. Им не более моего известны те несомненные данные, на которых основали государь и князь Горчаков свою уверенность, что дела не примут опасный для мира оборот. Я князя Горчакова еще не видел — он в Царском Селе и, говорят, ликует, получая из разных мест России благодарственные и поздравительные адреса. К государю также начинают посылать восторженные адреса. Пишущие их убеждены, что дело сделано разумно и что во всяком случае мы совершенно готовы встретить всякую случайность. Ежели бы я имел эту уверенность, то с радостью бы подписался под таким адресом. Между тем, судя по газетам, Австрия, Англия, Турция и Италия готовят сильный протест, турки даже, говорят, вооружаются. Вероятно, последствием всего этого будут с нашей стороны какие-нибудь разъяснительные депеши, которые смягчат резкость и решительность тона первого циркуляра; в России это примут за попятный шаг, поэтому будут недовольны и адреса, вероятно, приостановятся. Всего более я опасаясь, чтобы турки по наущению Англии не решились бы попробовать, в какой мере мы готовы с оружием в руках защищать свои требования. Для этого им стоит только теперь послать несколько военных судов в Черное море и остановить нашу торговлю. Ежели мы примем это за объявление войны и действительно пойдем занимать княжества⁴³ или Галицию, то тогда, буде англичане войны не хотят, — они вмешаются и предложат мирное разрешение вопроса на конференции, а ежели мы ограничимся одним протестом против насилия турок, то, конечно, это будет значить, что мы спасовали, и тогда военный разговор с нами будет другой. Все это возможно, потому что не стоит больших усилий. Ежели бы мы хоть маломальски были более готовы к войне, то, конечно, теперь самая благоприятная для нас минута начать бой с Австрией и Турцией, разумеется, призвав на помощь все христианские и славянские силы. И успех не только возможен, но даже вероятен. Но засим меня еще смущает сомнение — что же далее?.. Что будет, когда мы победителями станем или у Константинополя, или у Вены? Отрекаемся ли мы от Сатаны и всех его дел, т. е. откажемся ли мы от всей немецкой политики и от всех ее симпатий, которыми до костей пропитаны все наши правительственные сферы? Ведь тогда придется поднять знамя славянофилов и принять их программу, а, по понятиям Тимашева, Шувалова и самого государя, — это есть знамя красных революционеров. Нет, не время еще поднимать восточный вопрос, а потому не время и играть им.

16-го ноября. Волнение, произведенное в Европе циркуляром князя Горчакова, начинает утихать; есть надежды, что дело до войны не дойдет. Но сегодня пронесся достоверный слух, что мы согласились на собрание Конференции в Лондоне, на обсуждение которой будет предложен возбужденный нами воп-

рос. Ежели этот слух справедлив и Конференция ограничится рассмотрением только той части Парижского трактата, от которого мы отказались, то я считаю дело с нашей стороны проигранным и во всяком случае выходку нашей дипломатии неудавшейся. Конференция, призванная заниматься специальным вопросом, уже потому для нас невыгодна, что всякая конференция имеет целью прийти до соглашения, а соглашения возможны только при взаимных уступках. В настоящем же случае, как бы малы ни были наши уступки, все же они будут уступками, а мы, заявив требование на одно только отвлеченное право, не имеем в руках своих никаких материалов для уступки. Ежели бы мы материально нарушили Трактат и каким-либо фактом заявили бы пространство и силу наших притязаний, то тогда, конечно, можно было бы в чем-нибудь убавить или смягчить силу нашего нарушения, а так как мы только объявили, что не хотим более терпеть ограничений в праве, и при этом всем известно, что пользоваться этим правом мы не имеем теперь и не можем иметь прежде многих лет никаких средств, то что можем мы уступить на Конференции, в видах соглашения, я решительно не понимаю. Конференция, вероятно, затянется на несколько месяцев и может продлиться до весны. К тому же времени при настоящих событиях в Европе все может измениться, и никто не может отвечать за то, что обстоятельства могут так невыгодно для нас сложиться, что не только за нами не признают права отказаться от Парижского трактата, но еще потребуют каких-либо материальных гарантий в том, что мы и впредь не будем уклоняться от обязательной силы договоров. Я удивляюсь, как князь Горчаков не понял то невыгодное положение, в которое он себя поставил, приводя в доказательство права России не считать Трактата для себя обязательным тот факт, что другие державы нарушили этот трактат. Да, они его нарушили фактически, но потому они его и нарушили именно фактически, потому что не могли не признать его обязательной силы в принципе, а мы стали на самую неблагоприятную почву — заявляем, что хотим в будущем нарушить договор, который не считаем в принципе для себя обязательным. Вести на этой почве дипломатический спор во всяком случае крайне неблагоприятно и невыгодно. Наконец, вся эта выходка князя Горчакова оправдывалась тем, что настоящая минута для нас будто бы самая удобная, для того чтобы заявить Европе нашу решительную волю. Хотя я решительно сомневаюсь в выгоде настоящей минуты, но ежели даже и допустить это основание, то мы, соглашаясь на Конференцию, отказываемся в пользу противников наших от этой выгоды. Теперь от воли их будет зависеть выбрать минуту, когда с нами покончить разговоры. Ко всему этому надо еще прибавить печальное сознание, что на всех конференциях представители противников наших действовали всегда с большим талантом, сознанием и хитростью. Не жду я проку от этих конференций. Дай Бог, чтобы опасения мои не оправдались. Замечательно, что «Правительственный вестник», пропечатав циркуляр князя Горчакова, после того молчит и не единым словом не вразумляет публику, которая из иностранных газет узнает все последствия депеши князя Горчакова, а между тем благодарственные адреса из России начинают появляться один за другим и доказывают, что публика поняла все значение возбужденного вопроса. Но «Московскими ведомостями» очень заняты в высших сферах, что они не кричат «ура»...

Между тем осада Парижа затягивается сверх всякого ожидания и положение немцев становится с каждым днем затруднительнее.

Так мало привыкли у нас соображать важные государственные меры, что, решившись, например, послать циркуляр князя Горчакова, не сообразили, что на днях должен выйти манифест о ежегодном очередном наборе и теперь решились остановить объявление этого манифеста, что сопряжено с большими неудобствами. Между тем на сих днях обнародовано следующее высочайшее повеление.

Высочайшее повеление

Государь император, по докладе Его Величеству настоящего положения работ комиссии, на которую возложен пересмотр постановлений о личной военной повинности, высочайше соизволил принять во внимание:

1) Что для полного обеспечения военной защиты государства без обременительного для его финансов увеличения наличного состава армии необходимо постепенное образование резервных или запасных войск, призываемых на службу только в военное время.

2) Что устройство запасных войск должно быть основано на тех же самых коренных началах, на которых основано общее устройство армии, и что необходимость соблюдения этого условия вполне подтверждается современными военными событиями.

3) Что сокращение сроков обязательной службы облегчает исполнение личной военной повинности и должно быть сохраняемо в виду при составлении новых об этой повинности законоположений.

4) Что сокращение военных сроков без ослабления военных сил государства в общем составе запасных и наличных частей армии зависит от численности той доли населения, которая ежегодно призывается или впредь будет призываться на службу.

5) Что все ныне действующие постановления о порядке поступления на службу, несмотря на допущенные в них различия по правам состояний или правам сословным, имеют один общий источник, заключающийся в понятии о всеобщей и священной обязанности защиты отечества.

6) Что для обеспечения надлежащего устройства запасных войск необходимо установление более постоянного и более правильного соотношения между числом новобранцев, вступающих в армию на основании начала обязательного призыва, и числом лиц, которые ежегодно поступают на военную службу на других основаниях и которые, по правам состояния и по степени образования, преимущественно занимают офицерские должности.

Вследствие сего, государю императору благоугодно было 4-го сего ноября повелеть военному министру: составить и представить на высочайшее утверждение, установленным порядком, предположение об устройстве запасных частей армии и о распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых особых условий, на все вообще сословия в государстве.

Этот малопонятный для большинства набор слов просто значит, что правительство решилось ввести всеобщую обязательную военную службу, уничтожив все сословные привилегии, освобождавшие до сих пор от сей тяжелой натуральной повинности. В какой форме и по какому образцу будет призыв на служ-

бу — ничего еще неизвестно, но, вероятно, приближаясь к образцу прусского ландвера, эта одна из важнейших государственных мер будет иметь громадные последствия не только для всякого дела в России, но и во всей общественной и политической жизни государства. Но я имею полное основание думать, что с этой реформой будет то же, что было со всеми реформами, как то: с судом и с печатью, т. е. издадут, не поняв всего ее значения, и засим будут удивляться полученным результатам и негодовать против них.

Чтобы оправдать мое мнение, я должен рассказать историю этого вопроса, как он мне известен, так как я принимал в ходе его некоторое участие. Вскоре после введения крестьянской реформы, не попомню хорошенько, в 1862-м или 1863-м году, учреждена была под председательством члена Государственного совета Н. И. Бахтина Комиссия для составления нового рекрутского устава. Я был назначен в эту Комиссию членом со стороны Морского министерства. Комиссии этой, сколько мне помнится, не дано было никакой руководящей инструкции, а велено было сперва начертать главные основания предполагающейся реформы... Бахтин, хотя вообще был человек довольно поверхностный, принадлежа к числу либералов 20-х годов, удержавшихся на министерской службе при Николае Павловиче, но вел дело весьма успешно, и много приготовленных работ, сделанных под его руководством, послужат теперь хорошим материалом для будущих работ. Когда Комиссия наша коснулась вопроса об изъятии от натуральной рекрутской повинности, то, само собою, пришла к необходимости войти в обсуждение и вопроса об изъятиях сословных. Тут, помнится мне, образовалось два мнения — большинство, к которому принадлежал и я, высказались прямо в пользу уничтожения всяких сословных изъятий. Бахтин, сочувствуя, видимо, нашему мнению, высказывается так неопределенно, что нам ясно было видно, что ему запрещено касаться радикального разрешения этого вопроса. Прежде чем Комиссия выработала свои основания, я из Морского ведомства вышел, поступив в управление Таможенным ведомством... Но мне известно, что работа Комиссии, по высочайшему повелению, была рассмотрена в Государственном совете, причем объявлено было запрещение касаться до изменения ныне существующих сословных прав. Государю было представлено, что проект Комиссии направлен к окончательному уничтожению дворянского сословия. С тех пор Комиссия, которая и до сих пор продолжается, за смертью Бахтина, под председательством сперва Бутенева, а потом графа Гейдена, не издала нового устава, а ограничилась при каждом новом манифесте о наборе издавать отдельные правила в отмену и изменение прежних. Таким образом, вопрос о радикальной реформе воинской повинности, несмотря на неоднократные попытки военного министра Милютина вызвать его к жизни, заглох и лежал под спудом. Он бы, вероятно, долго еще пролежал, хотя организация прусской армии так поразительно оправдалась на деле, ежели бы Петр Александрович Валуев, бывший министр внутренних дел, а ныне находящийся не у дел, не вздумал нынче летом поехать за границу. Война застала его в Германии, и он, будучи свидетелем быстрой и замечательно усиленной мобилизации германской армии, вздумал изложить свои впечатления в записке, озаглавленной: «Записки невоенного о военном деле». Эту записку, по приезде в Петербург, он дал

прочесть военному министру Милютину, а этот, возвращая ему, заметил *qu'il parle à un converti**, что лучше бы он подал записку эту государю. Милютин понимал, что Валуева не считают за красного, врага дворянства, а потому рад был пустить его вперед. Он предложил Валуеву передать государю эту записку, на что Валуев согласился. Государь, прочтя записку, в тот же вечер возвратил ее Милютину, заметив, что это те же мысли, которые он уже несколько раз слышал от него, Милютина, и что он вполне это разделяет, и что нужно немедленно им дать ход. Вот происхождение вышеприведенного высочайшего повеления, текст которого, ежели не взят из записки, то по крайней мере сочинен, по всей вероятности, Валуевым, ибо я узнаю его слог, многоречивый и туманный. Итак, государь внезапно, без всякого какого-либо предварительного обсуждения, согласился, по крайней мере в принципе, на меру, крайне важную по своим последствиям. При этом он, вероятно, вообразил только, что с дворянством нечего теперь церемониться особенно... К тому же и в журналах, и в земских собраниях уже слышались голоса дворян, добровольно отказавшихся от своих привилегий. Но все другие стороны этого вопроса ему едва ли известны, и едва ли не только он, но и граф Шувалов, и генерал Тимашев, поставившие себе задачей или по крайней мере выдающие себя за строгих охранителей всех внешних форм самодержавия, едва ли эти господа понимают, что эта реформа, так же как и другие, ей предшествовавшие, вносит новый элемент в политическую жизнь государства.

Сегодня я вводил преемника моего, действительного с<татского> с<оветника> Качалова, бывшего архангельского губернатора, в управление Департаментом таможенных сборов. При этом я видел со стороны бывших моих подчиненных чиновников столько искренних ко мне чувств благодарности и сожаления, что я был глубоко ими тронут. Когда чиновники собрались в залу, чтобы со мной проститься, и я хотел отвечать на сделанное ими приветствие, то так был взволнован, что долго не мог выговорить ни слова. Я действительно оставляю Таможенное ведомство с самыми приятными воспоминаниями и, кажется, заслужил добрую о себе память.

Мне посчастливилось многое сделать, значительно улучшить и возвысить дух управления, обеспечить положение служащих, и все это имело последствием увеличение государственного дохода почти вдвое.

Правда, обстоятельства мне благоприятствовали, и теперь, как вспоминаю все подробности моей семилетней деятельности в Таможенном управлении, то не могу указать ни на одну из особенно удачных или счастливых мер, которыми бы вполне объяснялся достигнутый результат. Но в общем у меня сохранилось сознание, что я искренне и твердо желал лучшего, я, можно сказать, в течение этих семи лет только об одном и думал. Занятия сами по себе, хотя они и отнимали у меня много времени, но независимо собственно от работы я был постоянно озабочен одной мыслью, хотя этого и не высказывал. Я не сомневаюсь, что такое мое внутреннее настроение действовало на служащих, давало мне в глазах их авторитет и незаметно передавалось всему управлению. Вот почему в

* он говорит об этом единомышленнику

течение семи последних лет я даже в свободное время мало занимался посторонними предметами, я был поглощен одной работой.

Теперь по отношению к Лесному управлению я нахожусь совершенно в том же положении, в каком находился при поступлении в Таможенное ведомство. Чувствую, что, для того чтобы сделать что-нибудь дельное по этой части, нужно употребить столько же последовательности, энергии и нравственных сил, но вместе с тем чувствую, что сильно постарел, что нет той охоты и решительности начать снова изучать и погружаться в суть нового, сложного и расстроенного дела. К тому же в таможенном деле я приобрел опытность, а эта опытность учит меня не доверять первым впечатлениям. Как бы дело ни казалось ясным и как бы исправление недостатка ни казалось легким и возможным, нужно удержаться от соблазна ломать и менять существующий порядок, не уяснив себе дело во всех подробностях. Я помню, как по Таможенному ведомству мне хотелось на первых порах многое сделать, но благо Рейтерн меня сдерживал своим невозмутимым спокойствием, и я ему за это благодарен, ибо наделал бы много глупостей. Теперь, следовательно, мне предстоит пока покоиться на лаврах и ограничиваться простым исполнением не многотрудных служебных обязанностей или начать вновь серьезно работать, чтобы преобразовать Лесное управление, находящееся во всех частях в самом неудовлетворительном положении. Так как Лесное управление останется во всяком случае, и с преобразованием или даже вовсе с уничтожением министерства Государственных имуществ, то предмет стоит внимания. Пока я все еще всматриваюсь и вчитываюсь, может быть, летом поезжу по России, чтобы взглянуть на дело помимо бумаг. В общих чертах мне даже довольно ясно представляются причины коренных недостатков, но все это довольно смутно и во всяком случае не настолько ясно, чтобы я мог решить себе вопрос — могу ли я и должен ли я взяться за дело или нет.

26-го ноября. На сих днях прислан из Москвы от Московской думы следующий адрес:

Всемиловейший государь.

Пятнадцать лет сносила Россия унижение небывалое, в твердом уповании, что, возрастая непрерывно под Верховным Вашим радением, она возвратит себе вовремя благопотребно и свободу, и силу, и должный почет в сношениях внешних. По внушению Вашей Царственной Совести, Вы решили, Государь, что эта пора теперь настала, что пришел час для России, и именно теперь, стряхнуть с себя незаконные узы, наложенные врагом. Вы не потаенно, а вьявь отвергли некоторые статьи Парижского трактата, уже давно разорванного и попранного теми самими, кто издал этот трактат во вред России. Ваше слово, торжественно сказанное во имя Русской земли и народа, не останется одним лишь словом, и оно обратится в дело несокрушимое. Какие бы испытания ни грозили бы нам, они — мы уверены — не застанут Россию неподготовленной. Они, несомненно, найдут Россию тесно сомкнутою вокруг Вашего Престола.

Но с большею верой, чем в прежние времена, глядит ныне Россия на свое будущее, слыша в себе непрестанное духовное обновление. Каждое из Ваших великих преобразований, совершенных, совершаемых и чаемых, служит для нее и вместе для Вашего Величества источником новой крепости. Никто не стяжал

таких прав на благодарность народа, как Вы, Государь, и никому не платит народ такой горячей признательностью. От Вас принял он дар, и в Вас самих продолжает он видеть надежнейшего стража данных ему вольностей, ставших для него отныне хлебом насущным. От Вас одних ожидал он и довершения благих начинаний и, первое всего, простору мнений и печатного слова, без которых никнет дух народный, и нет места искренности и правде в его отношении ко власти, свободы церковной, без которой недействительна и сама проповедь, и наконец, свободы верующей совести — этого драгоценнейшего для души человеческой. Государь, дела внутренние и внешние связуются неразрывно. Затем успех в области внешней лежит в той силе народного самосознания и самоуважения, которую вносит государство во все отправления своей жизни. Только неуклонным служением началам народности управляется государственный организм, спланиваются с ним его окраины и создается то единство, которое было неизменным источником заветов Ваших и наших предков и постоянным знаменем Москвы от начала ее существования. Под этим знаменем, Государь, по первому Вашему зову все сословия народные соберутся и ныне и уже без различия звания, дружной ратью, в непоколебимой надежде на милость Божью, на правоту дела и на Вас. Доверие со стороны царя к своему народу, — разумное самообладание в свободе и честность к покорности со стороны народа, взаимная и неразрывная связь царя и народа, основанная на общении народного духа — на основании стремлений и верований, — вот наша сила, вот что поможет России совершить ее великое историческое призвание. Да, Государь, «Вашей воле, — скажем мы в заключение словами наших предков, в ответ их Первовенчанному предку Вашему в 1642-м году, — Вашей воле готовы мы служить и достоянием нашим, и кровью — а наша мысль такова».

Этот адрес, как и следовало ожидать, не был принят, Тимашев возвратил его князю Долгорукову — московскому военному генерал-губернатору — с выговором, как мог он подобный адрес принять для доставления в Петербург. Говорят, государь, очень рассержен, и, разумеется, весь гнев преимущественно сосредоточил на городском голове князе Черкасском, Веймарне и Самарине, которым приписывают редакцию. Нельзя не признать, что слова о свободе печати и совести крайне неуместны, бестактны и помещены в адрес как будто нарочно, чтобы рассердить, без этих слов адрес бы много выиграл и, вероятно, был бы принят, так как не оставалось бы благовидного предлога возвращать его. Не понимаю, как мог решиться Черкасский предложить на подпись подобный акт, за содержание которого вся ответственность, конечно, падала на него. Он не мог не знать, что этим он окончательно лишает себя всякой возможности вступить вновь на службу государственную. Все враги его, во главе которых граф Шувалов и Тимашев, в восхищении от этого промаха и, конечно, пользуются им с особенным удовольствием. Приезжие из Москвы объясняют всю историю этого адреса следующим образом: первоначально не хотели вообще подавать адреса ни дворянство, ни Дума, не видя в настоящих обстоятельствах достаточного повода делать какие-либо заявления, и, кажется, из Петербурга министр внутренних дел дал знать Долгорукову, чтобы он воздерживал от манифестаций. Но потом в Петербурге пожелали, чтобы из Москвы тоже, по примеру других губерний, был прислан адрес. Тогда московское дворянство, в лице

своих предводителей, просило позволения прислать сюда депутацию для поднесения адреса. Депутацию отклонили, а адрес изъявили желание принять. Вследствие сего дворянство и прислало весьма невинный и бесцветный адрес, который и напечатан, а Дума, под руководством Черкасского, захотела сказать в адресе нечто такое, чтобы видели, что адрес этот написан не по заказу, и притом выразить некоторый протест против торжествующей вообще в правительственных сферах реакции и, в особенности, против антинационального направления, тем более что за несколько дней перед сим Тимашев, со свойственной ему бестактностью, прислал в Москву какого-то чиновника от Главного управления по делам печати, чтобы сделать московским журналистам разные внушения и, между прочим, объявить свое запрещение писать против немцев вообще и пруссаков в особенности. Редакцию адреса взял на себя Аксаков и, разумеется, написал передовую статью, без соображения о том впечатлении, которое она здесь произвести может. Редакция эта подробно рассматривалась некоторыми членами Думы и потом единогласно была принята в общем собрании и подписана 105-ю лицами. Удивительно, как Черкасский, зная всю здешнюю обстановку и здешнее направление и дорожа свои положением, по крайней мере настолько, чтобы не сделаться совершенно невозможным в будущем для какой-либо политической деятельности, — удивительно, как мог он решиться принять эту редакцию, но еще удивительнее, как мог князь Долгоруков решиться прислать его сюда. Как ни глуп Долгоруков, как ни податлив влиянию, все-таки мудро, чтобы он не понял, что в Петербурге будут очень недовольны этой манифестацией, а он, говорят, напротив, пришел в восторг от адреса и, мало не колеблясь, прислал его сюда. Зато, говорят, ему послан сильнейший нагоняй, и он, говорят, теперь в отчаянии. Хуже всего то, что реакционное настроение государя еще больше усилилось, он, говорят, из себя выходит. Некоторые выражения адреса его, говорят, особенно сердят: «Каких, — говорит он, — они преобразований еще чаят? Я знаю, чего они чаят... (разумеется под этим конституция). Я никаких вольностей не давал. Я дал права, а не вольности, (не понимая того, что слово “вольности” употреблено в адресе в том смысле, в каком оно употреблялось у нас в актах даже во времена Екатерины, т. е. в смысле прав). Что это за проповедь они мне читают под конец?» Он приписывает редакцию Самарину и Аксакову, а ответственность всю возлагает на Черкасского, укоряет людей, которые, как Зеленый, хотели его допустить до занятия высших мест в управлении. Одним словом, не только Черкасский, что называется, окончательно soule*, но и все реформы, в пользу которых он уже сомневался, еще более ему сделались противны. Императрица на возвратном пути из Крыма должна была остановиться на несколько дней в Москве, но теперь ей приказано не останавливаться там, а прямо ехать в Петербург: все это очень прискорбно. Шувалов и К^о неминуемо воспользуются этим настроением царя и станут выкидывать какие-либо безобразия, которые без всякой пользы будут только раздражать публику. Существенных мер все-таки никаких принято не будет, мы от существенной реакции, к счастью, застрахованы неспособностью и крайней невежественностью

* пошел ко дну

деятелей в этом направлении. На днях корреспондент «Indépendance Belge»⁴⁴, некто г. Загуляев, отправился в Вятку за то, что он сообщил в эту бельгийскую газету известие о том, что Тимашев призвал к себе редакторов русских газет и приказал им не нападать на прусскую политику.

2-го декабря. Как бы нарочно для того, чтобы еще более расстроить нервы государя и оправдать постоянное стремление графа Шувалова и Тимашева представлять Россию в каком-то революционном настроении, открылась вчера новая шайка нигилистов и нигилисток, собиравшаяся в здешнем Земледельческом институте. Шайка эта, образовавшаяся из остатков разбитой шайки Нечаева и Каракозова, так же безобразна, как и все открытые уже подобные шайки.

На этот раз одним из главных руководителей этой мерзости был профессор Земледельческого института Энгельгардт. В стенах института собирались сходки в числе более 100 человек, на этих сходках говорили и читали всякого рода революционные и нигилистические безобразия, в сходках принимали участие не только студенты, живущие в институте, но также приезжали из города молодежь и нигилистки, которые тут же и плясали, пьянствовали и ночевали, — все это оставалось неизвестным начальству института, т. е. директору... Меня это открытие вовсе не удивило. Я еще летом, когда управлял министерством, был раз на экзамене в этом институте и по одному виду слушателей и профессоров вынес полное убеждение, что это — вертеп всякой мерзости и дряни. Засим Совет института, составленный из 17-ти профессоров и преподавателей, из них большинство дряни, настоятельно требовал от меня, чтобы я согласился на предложенную ими командировку студентов института для практических будто бы занятий в разные губернии. Я, предвидя, что эта командировка недоучившихся нигилистов есть не что иное, как средство пропаганды, наотрез и решительно отказал. Засим тот же Совет настоятельно требовал, чтобы выбор секретаря Советов был предоставлен им, тогда как до сих пор он назначался министерством; я в этом отказал. Тогда декан Андреев вышел в отставку, и на место его выбрали Энгельгардта, который поставил условием принятие этого звания, чтобы выбор секретаря был предоставлен Совету; когда же я и на это не согласился, то Совет не хотел выбирать нового декана. Я видел, что этим господам не хотелось вызывать студенческую манифестацию, которая непременно бы и состоялась, ежели бы к концу вакантного времени⁴⁵ не был бы выбран декан. Тогда я приказал объявить гг. Андрееву и Энгельгардту, что ежели будет какая-нибудь история, то г. Андреев в тот же день отправится в Пермь, а Энгельгардт — в Вятку, и я в том ручаюсь им своим честным словом. Дело успокоилось тем, что я сам назначил секретаря из профессоров, а Энгельгардт принял звание декана. Положение мое было довольно щекотливое, потому что в случае какой-нибудь истории я должен бы был сам доложить о ней государю, предупреждая донесение Шувалова, но при этом я должен бы был высказать государю откровенно мое мнение об этом заведении, во всех отношениях вредном и бесцельном. Но так как Зеленый сам образовал это заведение и, по-видимому, прежде дорожил им, то мне было крайне неудобно в его отсутствие докладывать государю подобное дело. Поэтому я очень был рад, что оно окончилось мирно.

По приезде Зеленого я сказал откровенно ему все свое мнение, не скрыв ничего, и предсказал ожидавшие его неприятности. Мое объяснение, видимо, смутило Зеленого, он поехал в институт, дал разного рода строгие приказания и, кажется, вернулся с убеждением, что я преувеличил зло. Никак я не ожидал, чтобы мои предсказания так скоро сбылись. Теперь профессора Энгельгардт и Логинов арестованы и около 10-ти главных студентов. Засим заведение теперь закрыто не будет, но я надеюсь, что недолго оно просуществует, ибо исправлять его отдельными мерами нет возможности. В сущности, из всех донесений агентов, которые в виде студентов сами принимали участие во всех сходках, видно, что ничего серьезного, имеющего вид какого-нибудь заговора или чего-либо подобного, не было, все ограничивалось ругательствами на существующий порядок и разговорами о цареубийстве. Большинство постоянно приходило в сознание, что революция теперь невозможна, что народ слишком любит царя, но что нужно сильно пропагандировать и действовать на народ всякими средствами. Все это, говорят, безбожная, безнравственная и крайне невежественная молодежь, в политическом смысле не имеющая ни малейшего значения, но крайне, по моему мнению, вредная, ибо развращает до кости своими материалистическими учениями учащих юношей. Хотя вообще в гимназиях и в других заведениях теперь в этом отношении заметное улучшение, но есть у нас, к несчастью, целое поколение молодых людей, бывших в гимназиях, семинариях и университетах в 1856–1862 г., которые в корне испорчены, и они еще продолжают в профессорских и учительских местах приносить много вреда. Одними строгими мерами и преследованиями отдельно попадающих личностей ничего сделать нельзя. Вредному учению должно противопоставить здоровое учение, и стеснение печати мешало только до сих пор этой полезной борьбе.

Замечательно, что права административных взысканий за преступление печати, на которых я так сильно настаивал при начертании проекта устава именно с целью вооружить правительство силой для преследования вредных учений, ни разу не были применены к делам подобного рода. Все предостережения и запрещения, которые начинались в административном порядке министрами — Валуевым и Тимашевым, исключительно почти относились к случаям либо резких суждений или личных нападок на правительственных лиц и проч. Социальная же литература, как при цензуре, так и теперь, вполне процветает. Наконец, как не понимают наши правительственные лица, что материалистическому учению нигилистов, в особенности политической стороне этого учения, можно только противопоставить с пользою учение и направление партии национальной, а эта-то партия сердитее всего преследуется правительством, и критическое отношение этой партии или этого учения к правительству и отдельным его органам ставят совершенно в уровень с безобразными, разрушительными и отрицательными возгласами этих социальных башибузуков. Тимашев откровенно сознался, что не видит никакой разницы между прокламациями Бакунина и передовыми статьями Аксакова. Я уверен, что и теперь манифестация на сходке Земледельческого института сливается в понятии государя в одно с московским адресом, и в общем ему представляется Россия каким-то враждебным против него лагерем. Все это производит такую путаницу в понятиях,

что со стороны смешно и грустно смотреть. Замечательно, что все речи и сочинения социалистов и нигилистов наполнены бранью против Каткова, Аксакова и проч. так называемых представителей московской партии, и так же точно относится к ним и к учению их и правительству. *Les extremes se touchent**.

В ответ на письмо с вопросом о том, как мог Черкасский, зная здешнее настроение, решиться предложить и провести в Думе непринятый адрес, я получил от Самарина объяснение в следующих выражениях:

«Странно вы судите в Петербурге. Я долго спорил против подачи какого-либо адреса, потому что не верил в серьезность и обдуманность декларации, но теперь я рад, что подписал его. Неужели ты думаешь, что мы все, и в особенности Черкасский, не ожидали того впечатления, которое он произвел, и что никому из нас не пришло на ум все, что можно сказать о несвоевременности такого заявления, о необходимости избегать раздражения, не подавать орудия реакции и т. д. Додуматься до всего этого своим умом, право, не так трудно, а поддаваться ребяческому задору и увлечению на шестом десятке было бы чересчур глупо. Поймите же, наконец, что можно, и не только можно, но и должно служить одному и тому же делу разными способами. Воспитывать общество и вразумлять правительство, ставить вопрос и проводить его, обстреливать слух и облекать созревшее намерение в форму доклада — все это задачи совершенно различные, и из того, что вы в Петербурге заняты одной из них, никак не следует, чтобы люди иного разбора, при совершенно иной обстановке, должны были бы воздержаться от прочих. Тебе удалось несколько лет тому назад выхлопотать для печати полусвободу, которая завтра у нас отнимется, но скажи по совести, не в значительной ли степени помогли в этом случае невоздержанность Герцена и запальчивость нашей заграничной литературы? Если бы русская мысль не отвоевала бы себе полнейшей свободы там, кто бы посмел домогаться полусвободы ее у нас? И к чему, наконец, приводила нас эта хваленая осторожность и житейская мудрость лишней практичности? В сущности, это пренебрежение всем серьезным и крупным и это безусловное подчинение самых разумных требований мелочным соображениям, не выходящим из области придворных низостей и служебных интриг. Сбылось ли хоть одно из ваших ожиданий? Удалось ли вам что-нибудь предупредить? Чему-нибудь помешать? Сколько я ни помню, все сделалось по-своему, вопреки всем вероятностям, в силу каких-то законов, не уместяющихся ни в какой программе. Дело об адресе ведено нечестно. Черкасский действовал не нахрапом. Проект был прочитан раз 6 — разобран по волоскам, смысл его и вероятные последствия были <ясны> всем, и после 5-часовых предварительных возражений и толков, через сутки, данные на размышление, подписан всеми, в том числе мешанами и купцами.

Я знаю, что благодаря именно этому во многих темных и сонных умах зашевелилось много несознательных требований и зародилось немало новых понятий, я доволен и этим, хотя очень хорошо знаю, что за этим могут последовать и извинения, и огорчения. Там у вас наши дерзкие надежды озадачили и раздражили — пусть так, но сказанное слово оставляет след, если не в мозгу, то в слуховом органе. Повторение того же слова действует уже иначе и понемногу с ним свыкнется. У нас теперь заседает земство. Безмозглый Мещерский (князь Александр Мещерский, предводитель московского дворянства, женатый на

* Крайности сходятся.

Строгановой) настаивает на подаче нового адреса и придумывает средства, как бы не допустить до возвращения. Я объявил ему, что без этого не обойдется и что произойдет неминуемый скандал, но он, по глупости, а может быть, по каким-нибудь своим расчетам — упрямится. В Податной комиссии, выбранной земством (о замене подушных сборов другими налогами), дело идет успешно. Но нашему тоже, вероятно, не следует пугать привлечением к обложению имуществ всех сословий».

В этом письме одно лишь неоспоримо верно — это то, что все у нас делается по-своему, в силу каких-то законов, не уместяющихся ни в какую программу. Доказательством этому может служить следующий на днях бывший факт. Когда возник вопрос о передаче на обсуждение земства всей империи предложения правительства о замене подушной подати другими налогами, то возникло опасение, чтобы земские собрания при обсуждении этого вопроса⁴⁶ не увлеклись далее известных пределов. Замечательно, что министр внутренних дел, который первый предложил привлечь земство к обсуждению того вопроса, вовсе не подозревал значения того участия земства в разрешении важнейшего государственного вопроса. Опасения были высказаны министром финансов Рейтерном государю, и хотя Рейтерн вовсе не отрицал пользы участия земства, а, напротив, настаивал на нем, но он считал долгом предупредить государя, что дело это серьезное и что нужно быть заранее готовым к тому, что земские собрания коснутся при обсуждении вопроса и вопросов общих. Государь, поняв важность того дела, собрал у себя Совет министров, и на нем подробно обсуждался вопрос — нужно или нет передать земству обсуждение средств замены подушной подати. Решено было, что нужно, но с ограничениями, и велено было Комитету министров войти в ближайшее обсуждение того, какие пределы положить суждениям земства. Нынче летом в Комитете министров, в моем присутствии, этот вопрос подробно обсуждался. Тимашев предложил ряд ограничений, которые все клонились к тому, чтобы не дать повода земству предлагать распределение подушной подати, лежащей ныне на одних податных сословиях, — на все привилегированные сословия. В этом смысле составлена была редакция журнала Комитета министров. Несмотря на это, сколько мне известно, многие земства хотели заявить о необходимости разложить подушную повинность на имущество всех сословий, и все думали, что это заявление будет неприятно правительству и даже боялись закрытия собрания.

Но вдруг, на сих днях, граф Левашов, здешний губернатор, открывая здешнее губернское Земское собрание, произнес речь и в ней сказал, между прочим, следующее:

«Милостивые государи.

Я уже имел честь в официальных отношениях моих к председателю губернского Земского собрания сообщить о тех предметах, которые предложены г. министром внутренних дел на наше обсуждение в настоящую сессию.

Практическая важность всех этих предметов в кругу сельского хозяйства будет, без сомнения, вполне оценена Вами, милостивые государи, а потому я не стану теперь о них распространяться. Позволю себе лишь обратить особое внимание Ваше на один из этих предметов, а именно — о замене подушной подати

надворным налогом или поземельной податью. Вопрос этот связан с коренным изменением всей податной системы, принятой в нашем отечестве. Он имеет целью облегчить тягости так называемых ныне податных сословий посредством переложения налогов с душ на имущества, принадлежащие всем, без различия сословий, жителям империи. Важность этого вопроса для всего государственно-го строя служит новым свидетельством того доверия, с которым относится к трудам Вашим державный создатель земских учреждений. Лучшим ответом с Вашей стороны на это доверие будет спокойное, добросовестное, практическое обсуждение предложенного Вам вопроса».

Оказывается, что Тимашев не счел нужным предупредить губернаторов о том, в каких пределах правительство намерено допустить суждение земства по этому вопросу, а граф Левашов, не поняв, в чем дело, хватил в речи своей, что называется, не в ту силу, и теперь, совершенно случайно, вопрос перешел далеко за пределы желания правительства. Речь Левашова напечатана в «Правительственном вестнике». Я первый указал на нее всем министрам в последнем заседании Комитета министров, где я присутствовал по случаю болезни Зеленого, и все министры были крайне изумлены. Но теперь уже дело сделано, поправить его трудно, и, таким образом, вся осторожность ни к чему не привела, ибо нет сомнения, что все земские собрания примут заявление, сделанное Левашовым, к руководству.

Вчера было у государя собрание министров для обсуждения главных оснований рекрутской реформы. Эти основания утверждены и, вероятно, будут напечатаны. Над разработкой самого Положения будет, вероятно, еще долго работать особая комиссия, осуществление же самой реформы едва ли может последовать в скором будущем, оно потребует таких громадных денежных затрат, что едва ли финансы наши способны будут их удовлетворить, даже прибегая к чрезвычайным усилиям. К тому же мне все кажется, и я, признаюсь, надеюсь, что исход настоящей войны вызовет страшную реакцию против вооружений вообще и против системы прусского ландвера⁴⁷ в особенности. Теперь, видимо, война затягивается, Париж не сдается, вся Франция ополчается, и положение пруссаков становится весьма критическим. Теперь уже можно с достоверностью предполагать, что предложенные пруссаками условия мира не осуществляются, хотя бы и Париж от голоду сдался. Триумф пруссаков во всяком случае не окупит всех принесенных жертв. При системе ландвера вся Германия от продолжительной войны будет вконец разорена. При постоянном войске такого бы разорения не было. Это обстоятельство может вызвать в Германии сильную реакцию против системы ландвера, тогда и мы, может быть, откажемся от принятия этой системы. Одним словом, мне кажется, что по окончании настоящей войны последуют в политическом и социальном устройстве всех европейских держав радикальные перемены, ежели, впрочем, не суждено провидением человечеству истребить друг друга.

5-го декабря. На прошедшей неделе, по случаю отъезда министра в Москву на юбилей Общества сельского хозяйства⁴⁸, я управлял министерством и в прошедший вторник был с докладом у государя. При этом я завел речь об

истории в Земледельческом институте, которая, по произведенному исследованию, оказалась пустой болтовней недоучившихся мальчишек и не имела никакого значения. Государь заметил мне, что она могла бы иметь значение, но что ее вовремя остановили. Дело в том, что Шувалов с каким-то преступным злорадством представляет государю совершенно в сыром виде, без всякой проверки, донесения своих агентов и, видно, старается держать постоянно в страхе государя. В этом отношении он вполне достигает своей цели и дошел до того, что самый могущественный из всех государей России, самый любимый и популярный из царей, не верит более в свою силу, ни в пользу совершенных им реформ, а полагает и ищет спасения от окружающих будто бы его со всех сторон заговоров и оппозиции в шпионской системе III-го Отделения и на этой системе основывает программу администрации. Общество уже привыкло относиться не только с недоверием, но даже с презрением ко всем попыткам реакционной власти и идет своим путем, пользуясь малой долей дарованной свободы. Для курьеза прилагаю при сем передовую статью сегодняшних «Московских ведомостей».

«Замечательно, что тот самый генерал Тимашев, который действует так строптиво по цензурной части, возбуждает сам вопрос о допущении женщин на занятие должностей на государственной службе. Ему понравились очень телеграфистки, с успехом занимающиеся на телеграфах, и он вошел в Государственный совет о допущении женщин и на другие служебные должности в канцеляриях и управлениях. Со своей стороны, граф Шувалов, получивший отвращение от нигилистов, вошел тоже, по высочайшему повелению, в Комитет министров с представлением о совершенном запрещении принимать женщин на какие-либо должности в управлениях. Ни Тимашев, ни Шувалов не понимают значение возбужденного ими вопроса, на днях будет о нем суждение в Комитете министров. Мне кажется, женщины должны быть безусловно изъяты от занятий каких-либо должностей на службе, но могут быть беспрепятственно допущены к занятиям в Управлениях такими делами, в которые они вносят только личный свой труд, без всяких отношений к гражданским правам и условиям служебной подчиненности. Они могут заниматься по найму в Управлениях, так же точно, как работают на фабриках, и заниматься делом чисто механическим, в котором способности их бесспорно тождественны со способностями мужчин. Таких занятий во всех Управлениях много, например: занятия писца, телеграфиста, сортировщика и проч. Допущение женщин к подобным занятиям не поднимает ни одного из вопросов специальных. Наоборот, всякая служебная должность, связывающая занимающего оную известными обязательствами и ответственностью, несовместна с правами мужа на жену, отца и матери на дочь и требует изменения или ограничения их прав не только в законе, но, главное, в правах, в складе и условиях семейной жизни и т. д. ...».

31-го декабря. Последние дни нынешнего года опечалены были несчастием, к которому сочувственно отнеслось высшее петербургское общество: третьего дня обер-егермейстер Скарятин на медвежьей царской охоте был убит наповал. Царь выстрелил по медведю, ранил его, но медведь ушел в чащу. Скарятин пошел высматривать след его, и в то время раздался выстрел, которым Скарятин был убит. Сперва думали, что он сам задел ружьем за сук и нечаянно

застрелили себя, но сегодня при вскрытии тела, кажется, найдено, что, судя по направлению раны и качества пули, которая оказалась разрывною, выстрел, вероятно, последовал от кого-либо из бывших в цепи гостей-охотников. Кто тот несчастный, нечаянно загубивший хорошего человека, мне неизвестно, вероятно только, что это не государь, потому что после выстрела на медведя он более не стрелял. Скарятин был весьма честный, симпатичный и добрый человек, он был хорошим семьянином и оставляет неутешную вдову, сына и дочь. Государь сильно огорчен этим несчастием. Ежели не объявлены будут точные и подробные сведения о том, кто и как застрелил Скарятин, то, вероятно, молва для эффекта будет приписывать этот несчастный выстрел государю.

Завтра, по случаю Нового года, назначен во дворце большой выход. Особых новостей не ожидаем. Минувший год останется в истории одним из самых памятных годов. Для Франции в особенности этот год, может быть, самый бедственный во всей ее истории, для Германии он славен — но последствия великих подвигов еще не настолько определил, чтобы можно было с полной уверенностью сказать, что истекший год укрепил за Германией ее могущество и первенство в континентальной Европе. По-видимому, Париж долго еще держаться не может, но со взятием его еще война не прекратится. В будущих военных успехах Германии тоже, кажется, сомневаться нельзя. Но какие будут общие результаты этого погрома для Германии — это еще вопрос. Совершающиеся события так велики, успехи Германии так громадны, что последствия их не могут ограничиться пределами осуществления властолюбивых замыслов одного какого-либо человека или одной только нации. Весь строй современной политики и даже социальной жизни должен измениться. Кто же может теперь, даже приблизительно, угадать будущее? Одно только верно — это то, что в скором будущем и даже не далее, как в будущем году, все государства Европы должны будут выступить на свет божий со всем своим запасом материальных, нравственных и умственных сил. Вопросы, которые неминуемо и немедленно по окончании войны будут поставлены всем правительствам Европы, и в особенности нашему, так многосложны, важны и трудны, что никогда, может быть, значение правительства как верного представителя интересов своего государства и своего народа не было так трудно и не требовало такой твердой мудрости, как теперь. К несчастью, беспристрастный и искренний обзор состояния нравственных сил нашего правительства невольно возбуждает во мне весьма основательные опасения за исход будущего участия нашего в общей ликвидации современных событий. Хотя я сам — второстепенный член этого правительства, но по совести могу сказать, что сужу беспристрастно, не имея никаких личных причин к каким-либо неудовольствиям, к тому же я постоянно поверяю свои личные впечатления впечатлениями других, столь же близко и даже ближе меня стоящих к делу, и заново здесь только те убеждения, которые мне кажутся вполне верными. Повторяю, менее чем когда-либо мы готовы с сознанием и твердостью защищать свои интересы против совокупных усилий врагов наших. Справедливо замечено было, кажется, в «Московских ведомостях», что истекший 1870-й год останется поучительным уроком на будущие времена для всех народов. Он засвидетельствовал ту великую истину, что великие народы Европы могут гибнуть лишь от своих внутренних недугов, а

не от воли другой нации. Пример: Франция будет говорить потомству, как пагубно для страны и для ее правителей, если правительство создает для себя отдельные интересы, отличные от интересов государства. Да, это истина несомненная, но послужит ли пример Франции нам уроком — в этом я более чем сомневаюсь.

Внутренние наши недуги с каждым годом слабеют, и общественные силы, бесспорно, крепнут, но чем здоровее становится самый организм государства, тем заметнее выступает главный наш недуг, а именно — разрыв правительства с обществом, и этот разрыв происходит вовсе не от того, чтобы действительно существовали между правительством и обществом какие-либо непримиримые элементы раздора, а единственно потому, что общество в последнее десятилетие благодаря совершенным реформам значительно переросло правительство в умственных и нравственных отношениях. Я уже, кажется, несколько раз высказывал в записках свое убеждение, что все совершенные реформы в последнее время без исключения совершены были правительством без ясного сознания их важности и всех их неминуемых последствий. Теперь государь из частных проявлений видит эти последствия, они смущают его, и этим пользуются лица, выдавшие вперед после покушения Каракозова и находящие личную выгоду в бессмысленной реакции. Но и для реакции нужны знания и способности. Ни того ни другого нет в лицах влиятельных. Все прежние деятели, работавшие сознательно в реформах, или вовсе сошли со сцены, или стоят на втором плане без всякого значения. Никогда перлюстрация⁴⁹ и шпионство не играли такой важной роли, как теперь. Все интересы края рассматриваются исключительно только с полицейской точки зрения. Все признаки жизни и нравственного развития в обществе заподозрены в красном либерализме. Это начинает возмущать общество, и, несмотря на любовь к государю, внутри России относятся к его правительству с нескрытым презрением и недоверием. Смешно сказать, что даже те учреждения, которые в прошедшем царствовании пользовались известною самостоятельностью, как то Сенат, Государственный совет и Комитет министров, даже и эти учреждения кажутся некоторым министрам и государю слишком либеральными, и их стараются миновать во избежание разногласия. Первый Департамент Сената нарочно наполнили людьми, совершенно послушными всякому влиянию, а дела, подлежащие ведению Государственного совета и Комитета министров, постоянно начинают передавать на обсуждение отдельных комиссий, составленных из лиц одномыслящих. Несмотря на все это, возбужденная совершенными реформами жизнь внутри государства идет вперед и улаживается со всеми затруднениями, искусственно создаваемыми невежественным правительством. Но там, где власть правительства сталкивается лицом к лицу и непосредственно с самими делами, как то по всем вопросам внешней политики, а также по всем мерам, принимаемым на окраинах, — там все ошибки и неловкости правительства имеют гораздо более зловредных последствий. Тут личная симпатия к той или иной национальности, несогласной с видами государства, или личные интересы, неправильно понятые и несогласные с интересами всей земли, могут быть причиною великих зол в будущем.

Наступающий год потому для нас и страшен, что мы вступаем в него с силами далеко не в уровень готовящимся событиям.